

КОМКОР
ЭЙДЕМАН

Роберт Петрович
ЭИДЕМАН

Д. В. ПАНКОВ

КОМКОР
ЭЙДЕМАН

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Москва — 1965

В книге рассказывается о жизни, общественно-политической и военной деятельности Роберта Петровича Эйдемана.

Роберт Петрович Эйдеман был человек многосторонний: видный партийный работник и талантливый военачальник, герой гражданской войны, поэт и писатель. После гражданской войны Р. П. Эйдеман занимал посты заместителя командующего войсками Украины и Крыма, командующего и члена Реввоенсовета округа, начальника Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе, председателя Центрального Совета Осоавиахима СССР.

Автор очерка Д. В. Панков лично знал и работал под руководством Р. П. Эйдемана. Основываясь на обширных архивных документах и воспоминаниях соратников Роберта Петровича, он описывает жизненный и боевой путь этого замечательного человека.

ОТ АВТОРА

Около тридцати лет прошло с тех пор, как не стало Роберта Петровича Эйдемана, но он как живой стоит перед моими глазами: в военной форме, высокий и стройный, с красивым и одухотворенным лицом. Голубые глаза глядят открыто и прямо, дружески. Как бы в раздумье он говорит:

— Да, вы устали, у вас расстроены нервы, надо отдохнуть...

Мы помолчали, находясь под впечатлением большого и серьезного разговора¹.

— Но вы, Роберт Петрович, ведь тоже устали!

Он быстро ответил:

— Я не думаю об усталости...

Действительно, за все годы совместной дружной работы я не слышал, чтобы мой собеседник когда-нибудь пожаловался на усталость. До конца жизни Эйдеман оставался верен провозглашенному еще в юности девизу «Поэзия борьбы прекрасна! Кто понял это — жил не зря!»². Роберт Петрович принадлежал к тому поколению людей, которое сокрушило старый мир и заложило фундамент нового общества.

Коммунистическая партия, Ленин воспитали Эйдемана и как коммуниста и как военачальника. Партия ободряла во время неудач, помогала находить правильные решения на фронтах гражданской войны. Он был

¹ Разговор происходил в кабинете Р. П. Эйдемана на Раушской набережной в Москве за несколько месяцев до его трагической гибели.

² Р. Эйдеман, Слова и годы. Рига, Латиздат, 1959, стр. 30.

одним из тех, кто шел неизведанными путями, участь в огне боев и побеждая.

Со временем Роберт Петрович стал крупным советским военачальником, общественно-политическим деятелем, известным поэтом и писателем — личностью яркой, многогранной. Обладая незаурядными организаторскими способностями, всегда настойчивый в выполнении задач, выдвинутых партией, он глубоко верил в дело, которому служил. Эйдемана — поэта и писателя — нельзя отделить от Эйдемана военачальника, однако воин в нем всегда одерживал верх, питал творчество писателя. Иллюстрацией к этому могут служить следующие строки из поэмы «Петроград»:

Когда б я жил одной душой поэта...
Но я живу большой судьбой бойца,
Идушего в гражданскую войну...¹

Трудно было писать, находясь в непрерывных боях: главная задача — победить врага. Но поэт все же писал. Значительная часть стихотворений создана им непосредственно на фронте, в часы, «когда ни пуля, ни снаряд не убивают редкого покоя»². В своих произведениях Роберт Петрович воспевал партию, Ленина, социалистическую революцию, героизм и доблесть советских воинов в гражданской войне.

Кончилась война. Поэт-воин целиком посвящает свое творчество советскому народу-победителю. Его любимый герой — «Солдат Революции» (эти слова в его боевых приказах писались с большой буквы) — стал теперь строителем нового общества. Роберт Петрович писал о «первых каменщиках» советской стройки, прославлял пафос созидательного труда. Занятый военным строительством, перестройкой армии в условиях мирного времени, он внимательно прислушивался к биению пульса страны, жил интересами народа и партии.

Эйдеманою написано немало стихов и произведений в прозе. В них отражена любовь автора к Советской Родине, гордость за нее, показано новое молодое поколение, которое, если потребуется, вместе с поколением отцов грудью станет на защиту своей страны. Патриотическая тема в поэзии Роберта Петровича звучит силь-

¹ Р. Эйдемана. Слова и годы, стр. 79.

² Там же.

но и выразительно. В одном из своих стихотворений он писал:

...Я вижу девушку:
Над лбом, не тронутым заботой ранней,
Повисла прядка золотая.
В час трудный эта девушка Отчизне
И жизнь отдаст, вот так же улыбаясь¹.

Уже в детские и юношеские годы Эйдеман проявлял большую пытливость и стремление к знаниям, упорно, прилежно учился в школе и стремился получить высшее образование. Окончив дополнительный класс Валкского реального училища, летом 1914 года юноша приехал в Петроград для поступления в лесной институт². Началась первая мировая война. Отличаясь натурой живой и активной, Эйдеман не мог оставаться равнодушным зрителем развернувшихся в связи с ней революционных событий. Он пытается осмыслить их, хочет действовать, стать настоящим революционером.

Не обладая еще достаточной политической зрелостью, Роберт Петрович в 1914 году, в то время когда ему было 19 лет, вступил в Союз социалистов-революционеров максималистов.

Однако, несмотря на кратковременную, по существу формальную, принадлежность Эйдемана к максималистам, его симпатии уже в то время были на стороне большевиков. В Канске-Енисейском, избранный после Февральской революции председателем полкового комитета³, Роберт Петрович вел политическую работу среди солдат уже под большевистскими лозунгами. В 1918 году он стал членом Коммунистической партии. Однако, учитывая активное участие в решающих событиях Великой Октябрьской социалистической революции на стороне большевиков, Центральный Комитет партии после XIV съезда установил Р. П. Эйдеману партийный стаж с марта 1917 года⁴.

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы. стр. 147.

² ГИАЛО (Государственный исторический архив Ленинградской области), ф. 994, д. 1853, оп. 5, л. 20.

³ ЦГВИА, ф. 7725, оп. 1, д. 62, л. 93.

⁴ Это отражено в стенографических отчетах XVI и XVII съездов партии, в послужном списке, заполненном на Роберта Петровича как на начальника и комиссара Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе, а также в реабилитационном постановлении ЦК КПСС 1956 г.

Славен и богат жизненный и боевой путь Эйдемана, который как один из крупных военачальников периода гражданской войны находился на ее фронтах почти непрерывно (1918—1920).

С начала 1921 по июль 1924 года Роберт Петрович работал в должности помощника и заместителя командующего всеми вооруженными силами на Украине и в Крыму¹.

1921 год на Украине был тревожным и мало чем отличался от военного времени. Там свирепствовали кулацко-националистические банды Махно и многие другие. Они задерживали переход к мирному строительству. Эйдеману было поручено непосредственно руководить борьбой с бандитизмом.

С августа 1924 по февраль 1925 года Роберт Петрович командовал Сибирским военным округом², а в марте 1925 года вступил в должность начальника и комиссара Военной академии РККА.

В марте 1932 года Центральный Комитет ВКП(б) выдвинул Эйдемана на пост председателя Центрального Совета Осоавиахима СССР³.

Эпоха, в которую жил и действовал этот замечательный человек, богата важнейшими историческими событиями, непосредственно связанными с социалистической революцией и гражданской войной.

Как военачальник ленинской школы, Эйдеман умело сочетал военную и партийно-политическую работу, на первом месте у него всегда был партийный долг. Он был одним из зачинателей военно-научной работы в армии — генеральным секретарем ВНО и автором многочисленных военных и военно-исторических трудов, библиография которых, по самым скромным подсчетам, содержит свыше двухсот работ, к сожалению еще не только не изученных, но даже не собранных.

---

¹ Некоторое время в начале 1921 года Эйдеман был начальником войск внутренней службы на Украине. На эту работу он перешел с должности командующего войсками внутренней службы Южного и Юго-Западного фронтов. Он командовал также войсками Харьковского военного округа. (См. ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 45, л. 66.)

² ЦГАСА, ф. 25875, оп. 3, д. 318, л. 11.

³ Избран в марте 1932 года на III пленуме ЦС Осоавиахима СССР.

Роберт Петрович был членом Реввоенсовета СССР¹ — высшего военного руководства страны.

Эйдеман — делегат многих партийных съездов и конференций как местных партийных организаций, так и съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза: XIV (1925), XVI (1930), XVII (1934) съездов партии, XV (1926) и XVI (1929) партийных конференций. Он член нескольких созывов ВЦИК, ЦИК Украины и ЦИК СССР; как литературный деятель, член правления Союза советских писателей² и председатель его Латышской секции.

Предлагаемый читателю историко-биографический очерк не имеет в виду в равной степени детально осветить все стороны жизни и деятельности Роберта Петровича Эйдемана. Основное внимание уделено его биографии в период Октябрьской революции и гражданской войны.

Наша небольшая работа о жизни и деятельности Роберта Петровича — первая скромная попытка увековечить его память. Надеемся, что очерк послужит началом более подробного освещения жизни и деятельности этого незаурядного советского военного и политического деятеля, писателя и поэта.

В фондах ЦГАСА сохранилось множество документов, написанных Эйдеманом или подписанных им, а также документов, освещающих его работу в эпоху гражданской войны и послевоенного времени — 20—30-х годов. Ряд из них представляет большой интерес для военно-исторической науки.

За большие заслуги перед Советским государством в гражданской войне, за работу по укреплению обороны страны в мирное время Роберт Петрович был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, золотыми часами за № 182291 с надписью: «Красному борцу Социалистической революции от ВЦИК, 1919»³, золотым портсигаром от ВЦИК, знаком «ЗАОР» (За активную оборонную работу) и другими наградами.

---

¹ Постановление СНК СССР от 26 февраля 1932 года.

² Избран на Первом Всесоюзном съезде писателей в августе 1934 года.

³ ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 260, л. 87.

В ночь на 12 июня 1937 года жизнь Роберта Петровича Эйдемана — жизнь, полная высокого служения Родине, Коммунистической партии, народу, — была прервана.

На историческом XX съезде партии были восстановлены добрые имена товарищей, невинно осужденных в период культа личности, и в их числе — светлое имя Р. П. Эйдемана.

Яркая жизнь этого человека будет служить примером многим поколениям советских людей.

В 1936 году вышел в свет сборник его поэтических произведений с символическим названием «С поднятой головой». Именно так и прошел по жизни Роберт Петрович — с поднятой головой.

В заключение выражаю свою признательность Ольге Алексеевне Эйдеман, оказавшей большую помощь в работе над этой книгой, а также Б. Ф. Трамму, С. Л. Дашкевичу, П. М. Бутыреву, Л. Г. Минову, поделившимся своими воспоминаниями, и Ф. К. Панарину, П. М. Гришину, А. Е. Фомичеву (Ленинград), Я. М. Горелику, И. Н. Кунтикову (Центральный государственный военно-исторический архив), Д. И. Куртову, В. В. Душенькину и Г. А. Смирновой (Центральный государственный архив Советской Армии), советами которых пользовался автор.

ОТ ПЕТРОГРАДА ДО ИРКУТСКА

Алою кровью боев и зари
Знамени шелк на востоке горит.
Бой и заря в этом море багровом¹.

Роберт Петрович Эйдеман родился 9 мая (по н. с.) 1895 года в местечке Ляесциеме, Валкского уезда, в Латвии в семье революционно настроенного народного учителя Петериса (Петра) Эйдемана². Роберту исполнилось 10 лет, когда вспыхнула первая русская революция, бурей ворвалась в этот тихий уголок Лифляндии и увлекла за собой множество людей. Власть перешла в руки ревкома.

Царские сатрапы жестоко расправились с участниками революции 1905 года. Многие жители Ляесциеме были избиты казаками и расстреляны у здания школы.

События того времени, особенно кровавая расправа с революционерами, запомнились десятилетнему мальчику на всю жизнь и позднее нашли свое отражение в рассказе «Васкис»³.

Интерес к литературе пробудился у Роберта Петровича в раннем возрасте — с детства он увлекался чтением. Этому способствовала окружавшая ребенка обстановка.

Отец помимо педагогической работы занимался и литературной деятельностью — переводил русских классиков, писал стихи. Мать, Каролина Петровна, знакомила детей с лучшими литературными произведениями того времени и прививала им любовь к чтению.

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 36.

² Умер в 1907 году.

³ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 190—237.

Петерис Эйдеман — отец Р. П. Эйдеман. 90-е годы

Юноша Эйдеман имел возможность пользоваться прекрасной библиотекой известного в Латвии библиофила и библиографа Миссиня, владельца книжного магазина в Ляесциеме. С разрешения Миссиня он получал информацию о новинках и, главное, знакомился с литературой прогрессивных писателей, сам пробовал писать.

Первый сборник стихов Р. П. Эйдемана «В потоке», где уже чувствуется симпатия автора к людям труда, был напечатан, когда ему едва исполнилось 15 лет.

1 сентября 1914 года Роберт Эйдеман стал студентом одного из старейших учебных заведений страны — Петроградского лесного института, который в 1903 году отметил столетие своего существования. Несмотря на засилие реакционеров в ту пору, в его стенах обучалась передовая прогрессивно настроенная молодежь. Особый подъем революционных настроений среди студенчества характерен для периода с 1905 по 1917 год. Студенты организовывали забастовки, распространяли прокламации, устраивали сходки, демонстрации, выражая свою солидарность с рабочим движением. Царское правительство не раз карало молодых революционеров. Достаточно сказать, что с 1905 по 1917 год за политическую деятельность было арестовано 150 студентов, многие из которых побывали в ссылке¹.

Первая мировая война дала новый толчок революци-

---

¹ Известия Ленинградского лесного института. Выпуск XXXVI. Л., 1929, стр. 103,

одному движению институтского студенчества. Р. П. Эйдемман принимал активное участие в маевках, сходках. Именно в студенческих кружках началась его революционно-политическая деятельность.

В апреле 1916 года начался призыв студентов в армию. В связи с проводившейся мобилизацией студентов Объединенный комитет студенческих социал-демократических фракций высших учебных заведений Петербурга выпустил прокламацию,

которая призывала уходящих в армию студентов, где бы они ни были: в училищах, в глубоком тылу или на передовых позициях, — создавать ячейки военной революционной организации. Прокламация заканчивалась лозунгом «Долой войну империалистическую!»¹.

Вскоре Эйдемман вызвали в воинское присутствие и объявили, что его направляют в Киевское (Николаевское) пехотное училище. Так студент Роберт Эйдемман расстался с мечтой о лесе, покинув институт со второго курса.

В октябре того же года, пройдя ускоренный курс Киевского пехотного училища, Эйдемман в звании прапорщика был направлен в штаб Иркутского военного округа. 25 октября он отбыл из Иркутска в город Канск, в 16-й Сибирский стрелковый запасный полк, на должность младшего офицера².

Каролина Эйдемман — мать Р. П. Эйдеммана. 90-е годы

¹ Известия Ленинградского лесного института, выпуск XXXVII, стр. 103.

² ЦГВИА, ф. 7725, оп. 1, д. 140, л. 78.

Р. П. Эйдеман — прапорщик. 1916 год

В 16-м Сибирском стрелковом запасном полку Эйдеман командовал 3-м батальоном, одновременно ему была поручена работа по обучению противохимической обороне («окуриванию») отправляемых на фронт солдат и офицеров. В декабре 1916 года Роберт Петрович был прикомандирован на два месяца к штабу 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады «для изучения газов»¹ и выехал в Иркутск.

Возвратившись вскоре после Февральской революции из Иркутска в Канск, Эйдеман почти целиком отдался общественно-политической деятельности. Имя его стало часто упоминаться на страницах газеты «Известия Канского Объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; позднее он стал членом редакционной коллегии этой газеты, а также был избран председателем полкового комитета, членом полкового суда, председателем Канского Совета солдатских депутатов², заместителем председателя Канского Объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Роберт Петрович часто выступал с лекциями и докладами по истории революционного движения, о текущем моменте и по другим вопросам.

В «Известиях Канского Объединенного Совета...» за 1917 год опубликовано много выступлений Эйдемана, касавшихся деятельности Совета солдатских депутатов и других организаций, которыми он руководил. Роберт

¹ ЦГВИА, ф. 7725, оп. 1, д. 140, л. 147.

² ЦГВИА, ф. 7725, оп. 1, д. 62, л. 93.

та Петровича можно было видеть в кругу солдат 16-го полка. Ежедневно он побатальонно проводил с ними беседы на темы «о текущем моменте и разным другим вопросам, относившимся к жизни революционных солдат»¹. Можно смело сказать, что в Канске в 1917 году Эйдеман был одним из самых популярных общественных деятелей.

В Канске в то время находился довольно значительный гарнизон: два запасных полка, в которых было немало революционных солдат, да еще были фронтовики — остатки так называемого «полка Керенского», выведенного с фронта в тыл. Гарнизон располагался в основном в военном городке, занимавшем большую территорию с построенными на ней каменными двухэтажными казармами и выкопанными во время войны землянками для прибывавших запасников. Компактность размещения облегчала ведение революционной агитации среди солдат.

Канский Объединенный Совет, в котором Эйдеман играл активную роль, поддерживал лозунг «Долой империалистическую войну!» и решительно отказался принять присланного комиссара Временного правительства. В своих воспоминаниях о семнадцатом годе и его людях Роберт Петрович писал, что уже в апреле исполком вынес решения «Вся власть Советам!», «Долой войну!». С этого времени, подчеркивал он, «началась война между исполкомом и Всероссийским Временным правительством»².

Как видно из документов, в период, когда Временное правительство задумало вести наступление на Западном фронте и наставляло, чтобы полки 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады поскорее оставили Канск и выехали на фронт в полном составе, Канский Совет солдатских депутатов, руководимый Эйдеманом, при полной поддержке Объединенного Совета всячески сопротивлялся отправке полков на фронт, оттягивал время или, когда последнее было уже невозможно, снаряжал лишь отдельные роты.

---

¹ «Известия Канского Объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 18 августа 1917 года.

² Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 242.

Так, например, 11 июня 1917 года, за несколько дней до объявленного Временным правительством наступления на фронте, командир 16-го Сибирского стрелкового запасного полка поручик Леон доносил по команде в Иркутск командиру 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады: «Вопрос выхода полка решено обсуждать на Совете солдатских депутатов, обсуждался он и на Объединенном Совете, где президиум мне и адъютанту бригады слова не дал; решено полки не отправлять, а послать очередные роты пополнения»¹.

Лишь в июле штабу Иркутского военного округа удалось с горем пополам отправить 16-й Сибирский стрелковый запасный полк на Румынский фронт². Но там он уже не мог принести никакой пользы, так как затеянное наступление окончилось полным провалом.

Не раз делалась попытка срочно откомандировать самого Эйдемана на фронт в «одиночном порядке»³, но Канский Объединенный Совет не допустил этого.

Популярность Эйдемана как общественно-политического деятеля все более росла. Накануне Октябрьской революции он едет делегатом от Канска на I Всесибирский съезд Советов, открывшийся 10 октября 1917 года в Иркутске.

В своем докладе Эйдеман выразил решительный протест против действий эсеровских властей Иркутска, в контрреволюционных целях разоруживших гарнизон города. Съезд принял большевистские резолюции о необходимости перехода власти в руки Советов. Меньшевики и эсеры пытались сорвать работу съезда, но это им не удалось, тогда они демонстративно его покинули.

На этом съезде Р. П. Эйдеман был избран заместителем председателя Центрального Исполнительного комитета Сибири (Центросибири) и приступил к своим новым обязанностям. Позднее в своих воспоминаниях «Декабрьские дни в Иркутске» он писал:

«Значение съезда заключалось не только в его работах по установке общей линии политического поведения для сибирских Советов и обмену опытом, но и в революционизирующем влиянии съезда на иркутский про-

---

¹ ЦГВИА, ф. 7725, оп. 1, д. 57, л. 34.

² Там же, лл. 200, 201.

³ Там же, л. 300.

летариат и солдатский гарнизон. На съезде в качестве гостей присутствовали солдаты и рабочие, слушавшие затаив дыхание большевистских ораторов и громом аплодисментов покрывавшие их выпады против иркутских меньшевиков и эсеров. Большевистская фракция организовала во время съезда несколько больших солдатских митингов. Делегаты разъезжали по казармам и предприятиям. Рабочие и солдаты Иркутска в эти дни жили напряженной жизнью, революционизируясь не по дням, а по часам»¹.

На съезде Роберт Петрович познакомился с общественно-политическими деятелями, игравшими видную роль в революционном движении в Сибири, — П. П. Постышевым, С. Г. Лазо, Я. Э. Янсоном, Б. З. Шумяцким, М. А. Трилиссером и другими товарищами.

Некоторое время Эйдеман оставался в Иркутске, налаживая работу Центросибири. Возникли огромные трудности. Они заключались в том, что комитет не имел постоянного помещения и заседания проводились в небольшой комнате на втором этаже Географического общества. Телеграф отказывался принимать телеграммы за подписью Центросибири. Почти до конца ноября не удалось наладить печатание своего органа, так как типографии, находившиеся под влиянием эсеровских комиссаров, бойкотировали Центросибирь². Однако, несмотря на все препятствия, Центросибирь продолжала работать.

Через несколько дней после съезда Эйдеману пришлось выехать из Иркутска, так как неотложные дела требовали его присутствия в Канске. Там он встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Роберт Петрович писал, что в Канске Октябрьский переворот прошел мирно, так как Канский Совет, в котором подавляющее большинство составляли большевики и максималисты (последние выступали в блоке с большевиками), уже давно объявил себя единственной властью в городе и уезде. Об этом же сообщал Центральному Комитету РСДРП(б) 19 декабря 1917 года большевик А. Н. Полосухин, служащий почтово-телеграфной конторы: «В Канске власть фактически давно

---

¹ «Война и революция», 1927, № 10—11, стр. 80.

² См. там же,

уже была в руках Совета, и поэтому закреплена она была совершенно безболезненно»¹.

2 ноября 1917 года на пленуме Канского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был организован Военно-революционный комитет, которому временно была передана высшая политическая и революционно-административная власть в городе и уезде. В обращении Военно-революционного комитета к населению города Канска и уезда говорится: «Являясь органом власти, выполняющим волю Советов, Революционный комитет будет стоять на страже революционного порядка и вести беспощадную борьбу со всяким проявлением контрреволюции»². Под обращением следует список членов Канского Военно-революционного комитета, в котором значится и прапорщик Р. П. Эйдеман.

Полному переходу власти в руки Совета во многом способствовало большевистское настроение гарнизона, твердое руководство массами со стороны большевистской организации. Как председатель Канского Совета солдатских депутатов, Эйдеман сыграл немалую роль в установлении и закреплении власти Советов в Канске.

8 декабря в Иркутске началось вооруженное восстание юнкеров. П. П. Постышев, возглавлявший в те дни Иркутский окружной Военно-революционный комитет, срочно телеграфировал в Черемхов, Канск, Красноярск и другие города Сибири о высылке подкреплений для борьбы с контрреволюцией в Иркутске.

На другой день к вечеру после получения телеграммы Эйдеману совместно с другими товарищами из Военно-революционного комитета удалось сформировать отряд из революционных солдат Канского гарнизона в составе 400 человек, и они отбыли в Иркутск. В городе в этот момент уже шли ожесточенные уличные бои, продолжавшиеся девять дней. Отряд выгрузился на станции Иннокентьевская (в 7 км от Иркутска) и отсюда направился в город для подавления контрреволюции.

Роберт Петрович находился в самой гуще боев.

---

¹ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. Т. II. М., Госполитиздат, 1957, стр. 357.

² «Известия Канского Объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 11 ноября 1917 года.

Позднее в работе «Декабрьские дни в Иркутске» он подробно описал эти события, отметив исключительный героизм и самоотверженность красных бойцов в борьбе с классовым врагом¹. Оборона Белого дома², борьба на улицах города при 40-градусном морозе показали, отмечает Эйдеман, что «только великий пафос Октябрьской революции мог двигать в бой слабовооруженные, еще слабее управляемые и необученные отряды»³.

Иркутские события, пишет Эйдеман, по существу, явились началом гражданской войны. Ее «начали юнкера», но именно здесь ярко проявилось «кипение масс» и их творчество. «По своему собственному почину, никем не приглашенные, не организованные, приходили отдельные люди, становились в наши ряды, сражались, умирали...»⁴.

Поэтому, несмотря на большие потери, Канский отряд не только не уменьшился, но даже вырос численно. Хотя юнкера имели хорошую военную подготовку, лучшую экипировку и вооружение, чем красные бойцы, они терпели поражения. Так, например, восемь дней юнкера осаждали красногвардейцев, оборонявших Белый дом, но все их атаки и штурмы были отбиты. В общем ходе борьбы оборона Белого дома сыграла большую роль. Красный гарнизон находился в тылу белых. Это сковывало их маневренность и в известной мере парализовывало действия на боевых участках.

Анализируя опыт иркутских боев с военной точки зрения, Р. П. Эйдеман сделал интересные и важные выводы. «Вообще, — писал он, — в уличной борьбе отдельные опорные пункты, занимаемые стойким гарнизоном, руководимые мужественными начальниками, продолжающие держаться даже в тылу расположения противника, будут всегда играть чрезвычайно важную роль в определении исхода борьбы»⁵.

---

¹ См. «Война и революция», 1927, № 10—11, стр. 83—94.

² Белый дом до Октябрьской революции — дом генерал-губернатора. На стене этого дома впоследствии была установлена мемориальная доска с надписью о том, что в нем в декабре 1917 года помещались ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), ВРК, штаб Красной гвардии.

³ «Война и революция», 1927, № 10—11, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 94.

⁵ Там же, стр. 87.

Роберт Петрович обратил внимание на большую роль в городских боях бомбометов, которые применяли юнкера, а также на действия метких стрелков, дав высокую оценку красному снайперу, прибывшему в Иркутск с Канским отрядом, Хаджи-Омар Гетоеву, которого знал лично. В Канском отряде среди красногвардейцев и солдат из числа коренных охотников было немало метких стрелков. Обычно подбирались группа снайперов, которые укрывались в месте, откуда было удобнее начать обстрел и вести наблюдение за противником. При появлении бомбометов и пулеметов белых меткие стрелки снимали прислугу и тем самым заставляли их прекращать огонь¹. Эйдеман отмечал, что это был «единственный способ борьбы с пулеметами и бомбометами при отсутствии этого оружия у нас»².

Не оставались без его внимания и тактические упущения со стороны штаба красных войск. Так, например, фронт не был разбит на секторы, отсутствовала техническая связь штаба с отрядами, командный состав, перед тем как повести отряд, недостаточно знакомился с расположением противника, с характером отдельных построек, планировкой улиц и т. п.

В Иркутске красногвардейцы потеряли несколько сот убитыми. Ход боевых действий показал недостаточную подготовленность красногвардейцев к боевым действиям. Поэтому встала задача: не теряя времени, организовать обучение красных бойцов военному делу, искусству борьбы с более сильным в военном отношении противником.

В деле защиты пролетарской революции иркутская эпопея была первым боевым крещением Р. П. Эйдемана. Она дала значительный политический и военный опыт борьбы, который впоследствии был им использован и расширен.

В начале 1918 года Эйдеман выехал в Петроград. Пребывание в революционной столице отражено в одном из его произведений — поэме «Петроград». В ней воспеваются Октябрьская революция, В. И. Ленин, революционная столица:

---

¹ См. «Война и революция», 1927, № 10—11, стр. 90.

² Там же.

Теперь любим мной Петроград вдвойнѣ.
В нем веет ветер новых поколений.
Все стыло здесь в мертвейшей тишине,
Теперь над всеми властвует здесь Ленин...¹

В поэме говорится о твердом намерении автора стать бойцом пролетарской революции и отстаивать Республику Советов на фронтах гражданской войны.

Эйдеман принимал участие в работе Третьего съезда Советов, проходившего в зале Таврического дворца. С докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров на съезде выступал В. И. Ленин. Говоря о необходимости создания новой, социалистической армии, В. И. Ленин сказал:

«Если про Россию говорили: она не может воевать, потому что у нее не будет офицеров, то мы не должны забывать того, что говорили эти самые буржуазные офицеры, наблюдая борющихся рабочих против Керенского и Каледина: «да, эти красногвардейцы технически никуда не годятся, но если бы эти люди поучились несколько, то они имели бы непобедимую армию». Ибо в первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобожденные эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская республика будет непобедима»².

С большим вниманием слушал Роберт Петрович слова вождя о создании социалистической армии, мощь которой будет направлена против эксплуататоров. Страна уже была овеяна дыханием гражданской войны, и Эйдеман хорошо понимал необходимость создания боеспособной, сильной армии.

Создание новой армии было одной из труднейших задач социалистической революции, и Роберт Петрович, воодушевленный словами Ленина, одним из первых, не боясь трудностей, с энтузиазмом взялся за дело военного строительства.

На Третьем Всероссийском съезде Советов Р. П. Эйдеман был избран членом ВЦИК. Облеченный высоким доверием Советской власти и Коммунистической пар-

---

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 76.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 270.

тии, он через некоторое время снова возвращается в Сибирь, а весной 1918 года Советское правительство послало Эйдемана на Дальний Восток для организации борьбы с Семеновым. Он успел добраться лишь до Омска, где его задержало начавшееся восстание белочехов. В Сибири в то время возникали контрреволюционные очаги, и самым опасным из них был мятеж чехословацкого корпуса.

В мае 1918 года Эйдеман, как член ВЦИКа, был «включен в состав Западно-Сибирского штаба по подавлению чехословацкого мятежа и формированию Красной гвардии»¹. В июне он становится военным комиссаром красных отрядов омского направления, а в июле — командующим войсками омского направления Северо-Урало-Сибирского фронта. С этого времени, пишет Роберт Петрович в своей автобиографии², начинается его военная работа в Красной Армии.

---

¹ Архив ЦК ДОСААФ. Послужной список Р. П. Эйдемана.

² Находится в Центральном партийном архиве.

НА ГЛАВНОМ ФРОНТЕ РЕСПУБЛИКИ

Побеждены лишь те солдаты,
Которые в бою взрывают
Сердце последние гранаты¹.

Мятеж чехословацкого корпуса, спровоцированный иностранными империалистическими правительствами, охватил значительную территорию Поволжья, Урала и Сибири. Выступление белочехов послужило сигналом для активизации всех сил внутренней контрреволюции. К лету 1918 года молодая Советская республика оказалась в кольце фронтов. Главным из них был Восточный, образованный в середине июня 1918 года. Здесь решалась судьба революции².

По решению ЦК партии на Восточный фронт направляются стойкие части Красной Армии, объявляется массовая мобилизация коммунистов, которые помогли командованию реорганизовать войска, создать новые части, повысить их боеспособность, привить им боевой революционный дух.

Почти одновременно с Восточным для борьбы с белочехами был создан Северо-Урало-Сибирский фронт под командованием Р. И. Берзина³.

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 88.

² См. История гражданской войны в СССР. Т. 3. М., Госполитиздат, 1957, стр. 227—228.

³ Берзин Рейнгольд Иосифович (1888—1939) — известный революционный деятель, член Коммунистической партии с 1905 года. Р. И. Берзин получил неограниченные полномочия для борьбы против чехословацких мятежников и других белогвардейских групп в районе Челябинск, Омск. (ЦГАСА, ф. 176, оп. 5, д. 2, л. 1.)

Р. П. Эйдеман — начальник 2-й Уральской дивизии. 1918 год

Белогвардейцы, организуя кулацкие восстания, создавали многочисленные очаги борьбы, и силы советского фронта расплывались, а это усложняло руководство еще недостаточно организованными красными войсками.

Необходимо было создать стройную и правильную с военной точки зрения организацию. С этой целью 20 июля 1918 года войска, действовавшие в районе Пермь, Екатеринбург, Ишим, были сведены в 3-ю армию Восточного фронта¹ под командованием Р. И. Берзина.

К этому времени 3-я армия занимала 900-километровый фронт — от Ишима до Красноуфимска. Численность ее была невелика — всего 6—7 тыс. человек. Лишь в дальнейшем, по мере развития борьбы, армия стала иметь 20 тыс. бойцов. Ядро ее составляли славные отряды рабочих пролетарского Урала: Алапаевского, Камышловского, Сысертского, Уфалейского, Березовского, Кунгурского и других уральских заводов, а также беднота окрестных деревень и сел. В частях 3-й армии сражались и многочисленные отряды интернационалистов.

Было сформировано пять дивизий. Р. П. Эйдеман принял непосредственное участие в создании 3-й армии Восточного фронта. В конце июля 1918 года он был назначен начальником 2-й Уральской (Средней) дивизии, действовавшей на важных направлениях: тагильском, екатеринбургском, лысьвенском и других.

---

¹ Северо-Урало-Сибирский фронт был преобразован в 3-ю армию Восточного фронта.

Р. И. Берзин, видный советский военачальник, ценил Эйдемана за его инициативу, энергию, правильное оперативное мышление, исполнительность и особенно за активную поддержку линии командования: в наикратчайший срок создать высокоорганизованную, хорошо подготовленную и дисциплинированную Красную Армию.

Примерно год спустя Роберт Петрович, анализируя этот период жизни 3-й армии, писал, что после падения Екатеринбурга, захваченного белочехами 25 июля, работа по ее организации значительно ускорилась. «Вместо десятков групп и самостоятельных отрядов возникают полки, бригады и дивизии, налаживается управление и снабжение войсковых частей...»¹

Красная Армия росла и закалялась в огне боев. Однако и в новой армии, основанной на принципах регулярности, имелись еще пережитки отрядности. Командиры отрядов с большой неохотой расставались со своими громкими титулами главкомов. Вспоминая об этом периоде, Р. П. Эйдеман указывает, что наряду с выполнением боевых задач приходилось вести борьбу с самостоятельностью бывших главкомов отдельных отрядов, ставших теперь просто командирами частей.

Так, например, бывший главнокомандующий Восточным отрядом П. И. Жебенев с трудом мирился с новым «титулом» комбрига в дивизии Эйдемана и не желал подходить к аппарату, если его называли комбригом, а не главкомом. В конце концов, писал Роберт Петрович, наши военные кадры поняли, что «с хорошо организованным врагом может бороться только организованная военная сила»². Вскоре почти все они — бывшие главнокомандующие направлениями, группами, отрядами — стали скромными и хорошими командирами рот, батальонов, полков.

Партийные организации, политработники, такие, как Г. А. Усиевич — член Московского Военно-революционного комитета, направленный на восток Московской большевистской организацией; А. Л. Борчанинов — один из руководителей Мотовилихинского восстания в

---

¹ «Революционный фронт». Орган Реввоенсовета Юго-Западного фронта и Украинского совета Трудовой армии, 1920, № 4, стр. 35.

² Там же,

1905 году; И. М. Малышев — член Уральского областного комитета партии; Бела Кун¹ — венгерский коммунист из военнопленных, и многие другие, способствовали организованности новых полков и поднимали политическую сознательность бойцов и командиров.

Заняв Екатеринбург, чехословацкие мятежники в первых числах августа перешли в наступление на фронте 3-й армии, направляя удар на ее центр — Отдельную бригаду. Им удалось прорваться в районе Уткинского завода, захватить его, а затем и Кыновский завод.

Дальнейшее наступление белых угрожало прорывом всего фронта 3-й армии².

Необходимо было взять инициативу в свои руки, чтобы в какой-то мере воспрепятствовать продвижению белых к Казани. Командование 3-й армии решило перейти в наступление. Главный удар должна была нанести 2-я Уральская дивизия под командованием Эйдемана, двигавшаяся в общем направлении на Екатеринбург. Операция проводилась с 7 по 11 августа. В ней участвовали три дивизии и Отдельная бригада.

В результате наступательных действий 2-я Уральская дивизия к вечеру 8 августа добилась значительных успехов, части 2-й бригады стояли уже у самых стен Екатеринбурга. Бойцы проявили чудеса героизма и выносливости, несмотря на то что не имели обмундирования и продовольствия. Командир Отдельной бригады П. И. Жебенев доносил, что в городе среди белогвардейцев и буржуазии началась паника. Тревожный гул колоколов и гудки заводов отчетливо доносились до наших передовых частей.

На других участках наши войска встретили упорное сопротивление противника, и их действия не увенчались успехом. Ввиду понесенных потерь командование армии 11 августа приказало частям возвратиться в исходное положение.

Роберт Петрович подробно разобрал операцию в работе «Екатеринбург — Тагил» («Страницы боевой жизни 3-й армии Восточного фронта»), опубликованной весной

---

¹ Бела Кун (1886—1939) — революционер-интернационалист, видный деятель венгерского и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Венгрии,

² «Революционный фронт», 1920, № 4, стр. 36.

1920 года, когда автор находился на Юго-Западном фронте.

Анализ операции свидетельствует о вполне зрелом мышлении автора-военачальника. Им высказано самостоятельное суждение о проведенной операции, ее польности:

«С точки зрения тех екатеринбургских патриотов, которые во время наступления наших частей преждевременно поспешили обрадовать Республику взятием Екатеринбурга, такой результат этой первой крупной операции на участке бывшего Северо-Урало-Сибирского фронта, быть может, и кажется равносильным поражению. Пусть! Но беспристрастный историк Красной Армии должен будет признать, что это кажущееся неудачным наступление — этот первый серьезный дебют вновь возникшей армии — фактически является крупной стратегической победой»¹.

В результате августовской наступательной операции 3-й армии противник понес существенные потери и израсходовал часть своих резервов, предназначенных для пополнения войск, действовавших в Поволжье.

Однако Р. П. Эйдемман в своем анализе критиковал армейское руководство за то, что оно не сумело внести в ход операции единую волю, которая помогла бы наладить взаимодействие между дивизиями². Подметил он и другие недостатки, сказавшиеся в ходе Екатеринбургской операции: ненадежность связи по фронту и в глубину; нерешительность некоторых командиров, в частности командира Отдельной бригады, который дал возможность противнику безнаказанно провести перегруппировку почти на виду у наших частей; отсутствие должной разведки со стороны частей 2-й бригады дивизии Эйдеммана, что позволило врагу незаметно сгруппировать силы в районе станции Монетная³.

Вторая половина августа и весь сентябрь прошли в непрерывных боях с белыми. Штаб дивизии Эйдеммана

¹ «Революционный фронт», 1920, № 4, стр. 37.

² Руководил операцией помощник командующего 3-й армией Семен Маркович Белицкий, вместе с которым Эйдемман работал много лет (в Военной академии имени М. В. Фрунзе, а затем в ЦС Особавиахима СССР), высоко ценил его оперативные способности, хотя иногда и критиковал его. Белицкого отличало сердечное отношение к товарищам, партийная принципиальность.

³ См. «Революционный фронт», № 4, стр. 38.

сначала находился на станции Тагил, а затем на Гороблагодатской. Оперативные сводки все чаще и чаще сообщали о крупных успехах советских войск на тагильском направлении. Так, например, военком 5-го Уральского полка 3-й бригады 2-й Уральской дивизии Бела Кун в оперативной сводке за 13 августа сообщал, что на участке 3-й бригады наши продвинулись на 34 версты и через некоторое время будет занята станция Кормовище¹.

Через несколько часов он сообщил из Лысвы, что станция Кормовище занята 14 августа в 18 часов².

Шли упорные, ожесточенные бои. Роберт Петрович сообщал по прямому проводу члену Реввоенсовета армии М. М. Лашевичу, что борьба под Верх-Нейвинском приняла затяжной характер. Преследуя цель сломить сопротивление противника, «вчера (то есть 25 августа. — Д. П.), сказал он, я отдал приказ, чтобы вторая бригада повела демонстрацию на Мостовую»³.

Часто бои длились несколько часов подряд, одни и те же пункты (Малая Мостовая, Нейво-Рудянский завод, Верх-Нейвинск и другие) много раз переходили из рук в руки.

Командарм Берзин, выезжая в Красноуфимск, видел, что там «дела не очень хороши», просил Эйдемана не ослаблять нажима на белых на тагильском направлении. Роберт Петрович ответил: «Приложим все силы, чтобы не нас белые, а мы белых побили»⁴.

В последних числах августа противнику действительно было нанесено серьезное поражение на тагильском направлении. В оперативной сводке за 31 августа сказано: «Коротким и решительным ударом частями дивизии заняты завод Верхне-Тагильский, станция и завод Нейво-Рудянский и Малая Мостовая, что в 22 верстах западнее Крутиха»⁵. Эйдеман сообщил начальнику штаба 3-й армии Ю. Ю. Аплоку: «Я убедился воочию, что чехословаки отрезвляются»⁶. Красные располагают небольшими силами, но добиваются полной победы, изматы-

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 26, 1 часть, л. 171.

² Там же, л. 172.

³ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 34, л. 226.

⁴ Там же, л. 221.

⁵ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 16, л. 15 об.

⁶ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 34, л. 262.

вают и обескровливают врага. Так, например, на участке 1-й бригады действует 3-й чехословацкий полк под командованием полковника Войцеховского, в ротах которого раньше было по 200—250 человек, теперь же они имеют не более 90—100 человек¹.

6 сентября 1918 года в Перми был издан приказ № 162 командующего 3-й армией Берзина. Приказ содержал текст телеграммы Реввоенсовета Восточного фронта, высоко оценившего героизм и самоотверженную боевую деятельность Эйдемана и его соратников: «Революционный военный совет при штабе Восточного фронта просит Вас передать командующему Н-ской дивизией тов. Эйдеману, что его энергия и самоотвержение в эту трудную минуту не будут забыты...»²

Успешные действия дивизии Эйдемана были отмечены также и в телеграмме Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, объявленной в приказе по войскам 3-й армии 24 сентября за № 251 в городе Перми. Телеграмма адресована «всем частям и начальникам, сражающимся под Тагилом». Вот ее содержание:

«От имени ВЦИК Советов, от имени всего трудового народа шлю горячий привет и пожелания полной победы над всеми белогвардейцами, над всеми наемниками англо-французского империализма. Вы доблестно сражаетесь за торжество социализма. Пусть же Ваша доблесть послужит примером всем борющимся товарищам. Держите высоко свое боевое Красное знамя. Вперед!»³

Телеграмма Я. М. Свердлова была препровождена начдиву Эйдеману со следующей припиской командарма Берзина:

«Войска первой и второй дивизий. Военный совет 3-й армии гордится своими доблестными войсками и уверен, что, начиная с начальников дивизий — товарищей Овчинникова⁴ и Эйдемана и кончая солдатом революции, все исполнят до конца свой боевой долг перед социалистическим Отечеством. Все последние бои в

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 34, л. 262.

² ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 5, л. 154. Телеграмма подписана Главкомандующим И. И. Вацетисом, членом Реввоенсовета Ю. К. Данишевским и начальником штаба фронта П. М. Майгуром.

³ ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 5, л. 252.

⁴ Начдив 1-й Уральской.

этих обеих дивизиях доказали, как высоко держат войска свое Красное знамя пролетариата, идя смело вперед до окончательной победы над заклятым врагом пролетариата. Повторяю, вперед без страха и сомнения! Близок час победы!»¹

Несмотря на длительные бои, Эйдеман использовал всякую возможность для сколачивания частей дивизии, для повышения их боевой и политической подготовки. С самого начала своей военной деятельности в Красной Армии Роберт Петрович стремился строить подчиненные ему части, основываясь на главном организационном принципе строительства вооруженных сил — на принципе регулярности.

В одном из приказов по 2-й Уральской дивизии, отданном на станции Гороблагодатская 28 сентября, Эйдеман писал о результатах произведенного им осмотра вновь пополненного 3-го Екатеринбургского полка. Отметив бодрый вид красноармейцев, умение делать перебежки, а также лихость атаки, он обратил внимание командира полка на то, что некоторые отделенные командиры не знали своих обязанностей в цепи. В заключение положительно охарактеризовал политическое состояние полка и выразил уверенность в том, что командиры и солдаты революции выполняют свой долг перед Советской республикой².

Эйдеман всегда отмечал храбрых воинов, поощрял их за доблесть и героизм.

9 октября 1918 года Роберт Петрович оставил 2-ю Уральскую дивизию, с которой прошел большой героический путь.

Вследствие малочисленности состава 1-й и 2-й Уральских дивизий (бои шли непрерывно, пополнений же почти не было) и в целях удобства управления войсками, действовавшими на алапаевском (1-я Уральская) и тагильском (2-я Уральская) направлениях, в начале октября эти дивизии были объединены в одну Сводную Уральскую дивизию, командование которой было возложено на бывшего начдива 1-й Уральской Г. И. Овчинникова³.

---

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 5, л. 252.

² ЦГАСА, ф. 176, оп. 5, д. 311, л. 31.

³ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 29, л. 117.

Примерно за две недели до этого Эйдеман в письме к Овчинникову выражал свое опасение за положение дел на фронте под Тагилом в связи с тем, что белогвардейцы лезут «как ошалелые», не считаясь ни с чем. 18 октября Роберт Петрович вступил в командование 3-й Уральской дивизией¹, которой до этого командовал Р. П. Ваньян, бывший заместитель Роберта Петровича по 2-й Уральской. Вместе с Робертом Петровичем в 3-ю Уральскую дивизию перешел и начальник штаба 2-й Уральской В. В. Рутин² — один из самоотверженных работников штаба, которого Эйдеман высоко ценил.

Р. П. Эйдеман умел подбирать работников, особенно штабных, терпеливо помогал им и очень трудно расставался с людьми, уже проверенными и оправдавшими себя на деле. Одной из главнейших забот Роберта Петровича была организация штаба и его бесперебойной работы.

В октябре положение на пермском направлении стало еще серьезнее. Противник сосредоточил крупные силы против 3-й армии и теснил ее. Об этом было хорошо известно высшему командованию, в том числе главному И. И. Вацетису, однако обещанные резервы не поступали.

Перед прибытием в 3-ю Уральскую дивизию Роберт Петрович был в Перми с докладом у командарма и получил от него оперативные указания о переходе к наступательным действиям на кунгурском направлении³.

Приехав в дивизию в город Кунгур, Роберт Петрович обратил внимание на отсутствие там младшего командного состава. Пришлось срочно организовать его подготовку. Проводилось это в условиях боевой обстановки и для многих командиров было делом необычным.

Докладывая командарму о состоянии 3-й Уральской дивизии, Эйдеман сообщал, что им в Кунгуре созданы пулеметные и инструкторские курсы для подготовки лиц «низшего командного состава по образцу прежних учебных команд... Из частей, сообщал он, уже присла-

---

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 29, л. 176.

² В. В. Рутин в 1919 году был помощником начальника штаба 16-й стрелковой дивизии на Южном фронте, а затем назначен во вновь формируемую 43-ю стрелковую дивизию. В конце 1919 года Рутин заболел сыпным тифом и скончался в Самаре (Куйбышев).

³ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 52, л. 41.

но 100 человек, с которыми проводятся занятия на основах твердой воинской дисциплины»¹.

3 ноября Эйдеман сообщил штабу армии, что Особый отряд успешно решил поставленную перед ними задачу: набег на станцию Кормовище и демонстрация вдоль тракта дали возможность отряду привлечь к себе внимание белых и дезорганизовать их тыл. В сообщении было обращено внимание командарма на малочисленность частей дивизии, усталость людей от непрерывных боев, слабую их подготовку, плохое обмундирование².

В первых числах ноября Реввоенсовет 3-й армии принял новое решение: объединить на этот раз 3-ю и 4-ю Уральские дивизии и назначить начальником новой сводной дивизии Н. Д. Каширина³ (бывшего начдива 4). Эйдеман был вызван в Пермь для назначения на новую должность. Уезжая, Роберт Петрович в своем последнем приказе по дивизии, отданном им на станции Кунгур 3 ноября 1918 года, писал: «Чехобелогвардейские банды, разбитые на Волге, отступающие под Оренбургом и Уфой, хотят отыграться здесь, на склонах окровавленного Урала. В течение последних дней они на разных участках Уральского фронта ведут яростные атаки, но, к великой чести наших красных войск, эти атаки до сих пор остаются безуспешными. Мы окрепли, мы закалились в кровавых боях, мы научились побеждать и стоять твердой стеной перед лицом часто превосходившего нас численностью противника... Расставаясь с вами, красные солдаты 3-й Уральской дивизии, желаю вам сохранить стойкость и твердость в этой борьбе, которую мы ведем на рубежах Советской республики. Красный Урал, облитый кровью тысячей рабочих, должен быть и будет освобожден. Да здравствует Республика рабочих и крестьян! Да здравствует Красная Армия!»⁴

10 ноября Эйдеман был назначен начальником Особой дивизии, которая еще не была сформирована, и, как видно из документов, ей предназначалась роль резерва 3-й армии.

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 4, л. 102.

² Там же.

³ ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, лл. 44, 47.

⁴ Там же, л. 46.

К этому времени стало уже совершенно ясно, что без резервов воевать нельзя, что армия должна иметь их во что бы то ни стало.

Роберт Петрович приступил к формированию дивизии. Но не успел он организовать одну из бригад, как пришлось немедленно направить ее в распоряжение начдива 5-й Уральской М. В. Васильева. Обстановка в районе Перми все больше усложнялась, и командарм, отдавая бригаду Васильеву, предупредил его, что «жертвует единственным своим резервом для сохранения кушвинского узла»¹.

Создавая и обучая новые части, Эйдеман проявил невероятную энергию, тем более что сроки, которыми он располагал, исчислялись днями.

В декабре 1918 года командарм З. Р. И. Берзин был назначен командующим 9-й армией и отбыл на Южный фронт². Перед отъездом он писал в приказе:

«Выражаю глубокую благодарность всем товарищам красноармейцам и начальникам, благодарю за высокую доблесть и опыт начальников дивизий — Эйдемана, Васильева, Блюхера, Каширина, Зомберга, Овчинникова и военкомов, которые твердой рукой руководят своими дивизиями и уверенно ведут войска к окончательной победе...»³

15 декабря Роберт Петрович на основании распоряжения Реввоенсовета Республики был отозван из 3-й армии и также направлен на Южный фронт⁴.

Боевая деятельность 24-летнего начдива Р. П. Эйдемана в 1918 году была весьма плодотворной. Восточный фронт дал ему великолепный боевой опыт, закалил его волю к борьбе с врагом. Он сильно возмужал и окреп, стал подлинным «Солдатом Революции» — военачальником первой в мире Рабоче-Крестьянской Красной Армии — армии нового типа.

---

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 4, д. 71, л. 3.

² ЦГАСА, ф. 1346, оп. 2, д. 639, л. 89.

³ Там же.

⁴ ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 260, л. 95.

НА ДОНУ

Почему суров поэт?
— Труд суров, суровой нет¹.

Еще в Перми Эйдеману стало известно о его назначении в 9-ю армию, сражавшуюся против белоказачков Краснова. 11 января 1919 года погиб начдив 16-й стрелковой дивизии В. И. Киквидзе. В Москве было решено, что Роберт Петрович примет эту дивизию, которая в то время входила в состав 9-й армии. Согласно переданному по телеграфу приказу Реввоенсовета Республики с 12 января 16-я дивизия стала именоваться в память погибшего начдива дивизией имени Киквидзе².

Роберт Петрович прибыл в 16-ю стрелковую дивизию в конце января — начале февраля. Встречавшие его работники штаба во главе с помначдивом С. П. Медведовским, исполнявшим обязанности начдива, увидели высокого стройного человека с большой бородой, в яловых сапогах, в фуражке с цветным околышем, в хорошо пригнанном френче.

Спустя пятнадцать лет, в 1935 году, рассказывая молодым планеристам и парашютистам о событиях гражданской войны, Роберт Петрович вспомнил и о своем пребывании в 16-й дивизии.

— В дивизии, — сказал он, — меня называли батей, хотя мне было всего двадцать четыре года. Тогда я но-

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 46.

² ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 266, л. 15.

сил длинную бороду (при этом показал рукой на пояс). В то время мне хотелось казаться старше...

Кто-то из аудитории заметил, что в коктебельской школе тоже есть «батя» — Никодим Симонов, начальник летной части школы. Он сидел тут же в зале. Тогда Роберт Петрович обратился к нему:

— Сколько же вам лет?

— Девятнадцать, — ответил тот.

— Значит, вы меня обошли, обскакали с титулом «бати». Но зато у вас нет бороды, и в этом мое преимущество, — сказал Роберт Петрович.

Послышалась реплика Л. Г. Минова:

— Борода — дело паживное...

— Смотря какая, — возразил Эйдеман. — У меня была рыжая...

Когда Р. П. Эйдеман прибыл в штаб дивизии, Медведовский поспешил сообщить новому начдиву, что командиры волнуются, не хотят принимать нового начдива, а настаивают на назначении начдивом его, Медведовского¹.

Вскоре было созвано собрание всего комсостава дивизии, включая взводных командиров (комиссаров в то время в дивизии почти не было). Собрание, на котором присутствовал и Роберт Петрович, приняло решение ходатайствовать и даже требовать, чтобы начдивом был назначен Медведовский².

Эта обструкция была направлена не против личности Эйдемана, так как большинство командиров его не знали, а против официального лица, назначенного на пост начдива. В этом сказались пережитки партизанщины, попытка возродить выборность командного состава.

Вступление Роберта Петровича на пост начдива несколько задержалось. Он проявил исключительную выдержку и такт, большое терпение и твердость. Встреченный в дивизии вначале недоброжелательно и даже враждебно, Эйдеман в процессе боевой и политической деятельности завоевал искреннюю любовь бойцов и командиров.

---

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, стр. 52.

² См. там же.

Медведовский остался помощником нового начдива и в дальнейшем был полностью солидарен с ним. Позднее он вспоминал: «Эйдеман оказался старым партийным работником, честным товарищем, не карьеристом, и мы с ним согласованно работали...»¹

Свой первый приказ Р. П. Эйдеман отдал 4 марта 1919 года в станице Клетская после личного знакомства с частями и штабами. В нем говорилось: «...Вступив в командование дивизией, выражаю твердую уверенность, что дивизия и впредь стойко и неустрашимо будет продолжать борьбу с врагами нашей Рабоче-Крестьянской Республики и что близок час, когда снова вдоль берегов освобожденного Дона будут развеваться красные знамена непобедимой революции»².

Одновременно с Эйдеманом с Восточного фронта прибыл В. Н. Простосинский, который 15 февраля приступил к исполнению обязанностей политкома. С этого времени началось усиленное комплектование дивизии политическими работниками, стали работать комиссары, которым до приезда Эйдемана не придавалось должного значения.

Эйдеман хорошо знал положение. Он был одним из самых дисциплинированных и организованных начдивов, для которого точное выполнение приказов и распоряжений высшего командования являлось законом. Он не мирился со своеволием и партизанщиной, органически не терпел их, понимая однако, что потребуется некоторое время, чтобы окончательно ликвидировать пережитки партизанщины.

Через пять дней после приказа о вступлении в командование дивизией, ознакомившись с состоянием дисциплины, 9 марта Эйдеман отдал приказ, направленный против партизанщины. В нем содержался призыв к бойцам и командирам неуклонно выполнять требование партии и Советской власти хранить нерушимую дружбу Красной Армии, ее частей, отдельных воинов с местным трудящимся населением. В приказе резко осуждались случаи мародерства, игнорирования распоряжений старших начальников и имевшие место факты самовольных

---

¹ Наша дивизия. Сборник. Петрозаводск. Издание политотдела 16-й имени Киквидзе стрелковой дивизии, 1922, стр. 52.

² ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 266, л. 69.

реквизиций, в нем указывалось также на недопустимость случаев нанесения каких-либо обид мирному населению. Приказ Эйдемана — яркий образец большевистского политического документа. В нем говорилось: «Не должно быть места в рядах Красной Армии всяким негодьям, позорящим Рабоче-Крестьянскую Красную Армию... Пусть каждый Красный Солдат помнит, что наш успех и наша победа зависят одинаково как от военных успехов, так и от отношения к трудовому населению Дона»¹.

Огромную роль в ликвидации пережитков партизанщины и установлении в армии организованности и дисциплины сыграл VIII съезд партии, на котором обсуждался вопрос о военном положении и военной политике.

Приказ Р. П. Эйдемана выдержан в духе решений Коммунистической партии, принимавшей серьезные меры по дальнейшему укреплению боевой мощи Красной Армии, ее организованности и дисциплины.

В Красной Армии смело вскрывались явления, которые были противны ее социалистической природе, и ликвидировались в самом зародыше. Роберт Петрович принадлежал к категории именно тех военачальников, для которых идейная сторона борьбы играла огромную роль. Смысл его приказа состоял в утверждении того, что свою энергию и наступательный порыв Красная Армия черпает в сознании, что она защищает интересы трудящихся масс и пользуется их любовью и уважением.

Выполняя решения VIII съезда РКП(б), Р. П. Эйдеманы и его соратники по 16-й имени Киквидзе стрелковой дивизии проделали огромную организаторскую и боевую работу. Начатое 9 марта реформирование дивизии несколько задержалось. Однако вскоре полкам была присвоена нумерация, и они были сведены в две бригады, при этом каждая состояла из трех стрелковых полков и различных специальных частей. Эйдеман лично наблюдал за реорганизацией и сам выбрал будущих комбригов из состава командиров полков (были назначены Ф. И. Нырненко и К. Чистяков). С созданием бригад руководство полками значительно улучшилось.

Объехав все полки, Эйдеман отметил в приказе плохое состояние оружия, наметил меры по приведению его в порядок. Роберт Петрович требовал от подчиненных

---

¹ «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, стр. 53.

ему командиров беспрекословного выполнения боевых приказов. Так, например, он объявил выговор временно командовавшему рабоче-крестьянским полком Дмитриеву: «28 февраля, получив приказание выступить с полком в 5 часов, тов. Дмитриев начал собирать полк только в 9 часов, вследствие чего выполнение приказа запоздало на четыре часа»¹.

Все командиры были строго предупреждены, что приказы должны выполняться беспрекословно, точно и вовремя.

С 1 по 14 марта 16-я дивизия занимала участок рек Донца и Дона от станицы Усть-Быстрианская до Николаевской. 17 марта она выступила с целью занять новый район — станцию Глубокая (по линии железной дороги Воронеж — Новочеркасск). Стояла весенняя распутица, и переход по размытым проселочным дорогам представлял серьезные трудности и являлся большим испытанием для дивизии. Приходилось идти по пересеченной местности, из-за отсутствия переправ переходить вброд ручьи и реки.

28 марта части дивизии, успешно завершив десятидневный переход, пройдя за это время 160 верст, прибыли на станцию Глубокая. 30 марта, после того как тылы были подтянуты, началась смена частей 12-й стрелковой дивизии.

Обстановка на новом участке была крайне напряженной. Белоказакки, отброшенные за Донец и Дон, готовились к наступлению. Донское «правительство» Деникина с помощью тайных агентов подняло восстание в тылу наших войск — в станице Вешенская, в верхнем течении Дона. Чтобы подавить белогвардейское восстание и прикрыть наши тылы из резервных боевых частей, были созданы особые группы. Впоследствии они составили Отдельный экспедиционный корпус, которым командовал Т. С. Хвесин².

Ветеран 16-й дивизии И. А. Иконников (ныне генерал-майор в отставке) вспоминает ожесточенный бой, развернувшийся 2 апреля у Старой Станицы, на левом берегу реки Донец (в районе Гундоровской), в котором 1-я бригада нанесла поражение белым. Противник по-

---

¹ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 266, л. 74.

² ЦГАСА, ф. 1361, оп. 2, д. 4, лл. 17, 17 об.

нес большие потери — до 1 тыс. человек убитыми и ранеными. Наши потери также были велики — свыше 450 человек. Начдив, находившийся непосредственно в районе боя, чутко реагировал на все перипетии постоянно менявшейся боевой обстановки.

Чтобы не допустить соединения противника с вешенскими повстанцами, Эйдеман решил занять плацдарм на правом берегу реки Донец, у станицы Каменская. 10 апреля части форсировали Донец, и станица Каменская была взята лихим ударом 2-й бригады. Однако, чтобы удержать станицу, потребовалось немало усилий, так как белые во что бы то ни стало стремились отбить ее.

В результате боев, длившихся несколько месяцев, дивизия понесла большие потери, бойцы сильно устали, требовались подкрепления. Командующий 9-й армией, несмотря на настойчивые ходатайства Эйдемана, не имел возможности усилить боевую линию резервными частями. 16-я и 23-я стрелковые дивизии сохраняли свое положение лишь благодаря согласованным действиям начдивов Р. П. Эйдемана и А. И. Голикова.

30 апреля в станице Старокаменская Эйдеман в приказе поздравил «измученных, но бодрых духом» красных бойцов с великим пролетарским праздником Первое мая, «с верой в окончательное торжество Советской власти...»¹.

В то время как 16-я и 23-я дивизии безуспешно ожидали пополнения, белые в начале мая стали стягивать войска в район хутора Грачинский. Утром 13 мая противник форсировал Донец у хутора Лопуховатый (в трех верстах юго-западнее хутора Уляшкин), отеснил части 2-й бригады (140-й и 141-й стрелковые полки) и повел наступление на станцию Глубокая, развивая его в направлении Чеботовки. Одновременно на правом берегу реки противник, занимавший район Каменской, повел атаки и не давал красным перейти на левый берег². Создалась большая угроза тылу дивизии.

Тогда Роберт Петрович решил отказаться от своего намерения расширить плацдарм у станицы Каменская и, чтобы ликвидировать прорвавшегося противни-

---

¹ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 15, л. 45.

² ЦГАСА, ф. 1361, оп. 2, д. 80, л. 43.

ка, перебросил 1-ю бригаду под командованием Ф. И. Нырненко на левый берег Донца. В результате совместных усилий конной группы Чистякова и 1-й и 2-й бригад (последней командовал новый комбриг А. А. Косолапов) прорыв противника был ликвидирован и восстановлено положение на участке левого берега реки Донец¹.

19 мая из штаба Южного фронта пришла телеграмма, в которой сообщалось, что противник сосредоточил ударную группу на правом берегу Донца, в районе хуторов Давыдов, Манохин, как видно намереваясь вторично прорвать фронт красных на миллеровском направлении².

Предполагалось, что противник вновь попытается прорвать фронт 16-й дивизии. Однако белые не решились вторично атаковать 16-ю дивизию. 25 мая они прорвали фронт левого участка 23-й стрелковой дивизии у хутора Дубовой и продвигались на север, в направлении станции Глубокая, и на восток, в направлении станции Калитвинская, выйдя в тыл 16-й и во фланг 23-й стрелковым дивизиям.

Усилия обеих дивизий сомкнуть фронт, отрезав провавшегося противника от его остальных частей, не увенчались успехом. После суток упорных боев, войдя согласно приказу командарма в состав 8-й армии, 16-я дивизия отошла на линию станции Митякинская, станция Глубокая, где были сосредоточены ее базы и тылы. Противник захватил Глубокую и два эшелона имущества воинских частей, которые не успели эвакуироваться на станцию Миллерово. Вскоре противник захватил и Миллерово.

Миллеровский прорыв противника в мае принес большие неприятности дивизиям, действовавшим в боях на этом участке. Был создан чрезвычайный трибунал. В течение месяца шла переписка и велось следствие по «делу» ряда командиров и политработников 16, 23,

---

¹ Ветеран 16-й стрелковой дивизии П. М. Бутырев (проживает в Москве) рассказал, что во время этого прорыва противника он находился при начдиве Эйдемоне. Получив донесение о наступлении белых, начдив немедленно прибыл на место боя, произвел перегруппировку частей, и в результате упорного боя противник был отброшен на правый берег Донца.

² ЦГАСА, ф. 1361, оп. 2, д. 80, л. 92.

33-й стрелковых дивизий, а также командования 8-й армии, руководившего боями во время прорыва.

Эйдеман решительно встал на защиту арестованных по приказу Троцкого начальника штаба А. С. Зелинского и других работников дивизии, заявив, что, несмотря на слабость сил, имевшихся в распоряжении Зелинского, начальник штаба принял все меры к тому, чтобы организовать оборону Глубокой. «Противник смог взять Глубокую только к утру 27 мая, когда весь тыл дивизии был эвакуирован на станцию Миллерово и севернее»¹.

Возможность миллеровского прорыва Эйдеман объяснял следующими причинами — большой протяженностью фронта, занимаемого дивизиями 9-й армии при слабом их численном составе²; переутомлением красноармейцев вследствие непрерывных и тяжелых боев; недостаточным вниманием со стороны высшего командования к данному участку, несмотря на своевременные доклады о данных разведки, определенно указывавших о намерениях противника; серьезными недостатками в организации связи.

Р. П. Эйдеман, помощник начдива С. П. Медведовский и другие работники штаба дивизии считали арест нескольких работников дивизии необоснованным.

7 июня Эйдеман просит командарма 8 о «скорейшем разборе дела Зелинского и заведующего отделом снабжения Я. М. Курятникова, дабы они имели возможность опять наладить аппарат управления и снабжения дивизии»³. Однако, несмотря на их явную невиновность, Зелинский и Курятников вскоре по приказу Троцкого были расстреляны. Это произвело удручающее впечатление на командный и политический состав дивизии.

Исключительная маневренность боевых действий держала командование дивизии в напряжении. Требовались быстрые и решительные действия. Эйдеман без страха брал на себя ответственность за ход борьбы, так как связь со штабом армии часто терялась.

---

¹ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 43, л. 348.

² На 15 июня 16-я стрелковая дивизия насчитывала: штыков — 2121, сабель — 300, пулеметов — 82.

³ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 43, л. 373.

5 июня Роберт Петрович согласно приказу по войскам 8-й армии «в целях установления единства управления и согласованности действий 16-й стрелковой и 1-й московской рабочей дивизии» объединил эти дивизии в одну группу под своим командованием¹.

27 июня, по выходе частей 8-й армии на линию Алексеевка, Острогожск, Лиски, наступление противника было остановлено. 16-я дивизия заняла фронт обороны Веретье, Острогожск, Менжулин. Ее соседями оказались 13-я (начдив Б. К. Колчигин), слева — 33-я (начдив М. К. Левандовский) стрелковые дивизии. В районе Копанице, Старопокровское Эйдеман создал по указанию командарма ударную группу для атаки с запада конной группы генерала Секретова, чтобы помочь атакующей 33-й стрелковой дивизии освободить Лиски, которые и были заняты ею 30 июня².

В июле положение, создавшееся в связи с миллеровским прорывом, было полностью исправлено. В первой половине июля Эйдеман сообщал командованию армии об успешных боях с белыми, о захвате большого количества пленных и трофеев, причем среди пленных было немало офицеров³.

В то время как Роберт Петрович находился в 16-й имени Киквидзе стрелковой дивизии, которая прочно занимала фронт в Воронежской губернии, состояние Южного фронта Красной Армии летом 1919 года резко ухудшилось. Деникин, собрав силы и получив крупную помощь от иностранных империалистов, повел широкое наступление. Войска Красной Армии, упорно обороняясь, медленно отходили к северу.

Ведя многомесячные непрерывные бои, красные войска были сильно измотаны, ощущался большой недостаток в боеприпасах, продовольствии и обмундировании. Особенно тяжелое положение создалось у войск, действовавших на донбасском, харьковском, полтавском и сумском направлениях.

Для отражения новой угрозы потребовалось мобилизовать все экономические и людские ресурсы страны, чтобы в короткий срок обеспечить коренной перелом в

---

¹ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 16, л. 1.

² ЦГАСА, ф. 191, оп. 3, д. 229, л. 1.

³ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 25, лл. 62, 63, 64, 71, 72.

ходе гражданской войны. В начале июля собрался очередной пленум ЦК РКП(б), обсудивший военное положение страны и наметивший меры по усилению Южного фронта.

На Южный фронт и на работу, непосредственно связанную с обеспечением нужд фронта, было послано много членов партии, готовились подкрепления и отправлялись материальные средства и вооружение.

Предпринятые Коммунистической партией меры дали возможность укрепить войска Южного фронта и сорвали планы Деникина, намеревавшегося захватить Москву.

В конце июля Роберт Петрович был вызван в Воронеж, где в то время находился штаб 8-й армии. Член Реввоенсовета Республики А. И. Окулов от имени Реввоенсовета предложил Эйдеману принять участие в срочном формировании новой, 43-й отдельной стрелковой дивизии, предназначенной для обороны Тульского укрепленного района. Роберт Петрович изъявил согласие и отбыл в Москву, где дивизия начала свое формирование¹.

Покидая 16-ю стрелковую дивизию, Эйдеман 1 августа издал свой прощальный приказ, в котором коротко охарактеризовал боевые дела дивизии за последние месяцы, отметил высокую доблесть и стойкость бойцов и выразил уверенность, что «красные бойцы 16-й стрелковой дивизии еще не раз покроют неувядаемой славой знамена Республики...»².

---

¹ ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 43, л. 102.

² ЦГАСА, ф. 1255, оп. 2, д. 266, л. 198.

ОРЛОВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Мы — крепкие. Железо и гранит².

Несмотря на принятые полевым штабом Реввоенсовета Республики меры, формирование 43-й дивизии шло слишком медленно, положение же на фронте становилось все более острым. В самые критические дни борьбы с Деникиным — 27 сентября было принято новое решение Реввоенсовета Республики о назначении Роберта Петровича начдивом в 14-ю армию, на Южный фронт. Перед отправлением к месту назначения ему было приказано заехать в Тулу, в штаб Южного фронта, чтобы получить там инструкции и информацию об оперативно-стратегической обстановке на фронте в связи с готовящимся контрнаступлением войск Красной Армии.

Получив приказ, 1 октября Эйдемман отправился на Курский вокзал. Москва тех дней напоминала военный лагерь. Развешанные на стенах домов и в витринах опустевших магазинов плакаты призывали: «Все на борьбу с Деникиным!» Жители столицы голодали, улицы были пустыни. Враг рвался к Москве. Капиталисты обещали миллионный приз тому белогвардейскому полку, который первым ворвется в Москву. В среде белогвардейских офицеров и высшего командования царил большой подъем, а иностранные дипломаты и журналисты предсказывали время «падения большевистской столицы», считая гибель советской России неизбежной.

---

¹ Р. Эйдемман. Слова и годы, стр. 70.

Прибыв в Тулу, Эйдеман нашел штаб Южного фронта и остался там на несколько дней. В это время происходила смена командования войск фронта. Роберт Петрович встретился с новым командующим А. И. Егоровым, бывшим до этого командующим 14-й армией (постановление о назначении Егорова и Эйдемана принято в один и тот же день) ¹.

В Туле было окончательно решено, что Роберт Петрович примет командование 41-й стрелковой дивизией, отступившей с юга на территорию Орловской и Курской губерний. Дивизия, как сообщил А. И. Егоров, находилась в очень тяжелом положении и нуждалась в крепком руководстве.

9 октября штаб Южного фронта издал директиву, которая определяла задачи армий, действовавших на центральном направлении. В соответствии с директивой Ударная группа (1-й конный корпус, Латышская стрелковая дивизия, стрелковая бригада П. А. Павлова, бригада червонных казаков), созданная 7 октября и позднее подчиненная командарму 14 Уборевичу, должна была к вечеру 10 октября развернуться на рубеже Турищево, Молодовое (юго-западнее Орла), чтобы в дальнейшем повести решительное наступление и нанести деникинцам удар на участке железной дороги Орел — Курск, между Малоархангельском и Фатежем.

14-я армия, в которую входила 41-я стрелковая дивизия, должна была обеспечить Ударную группу от фланговых ударов противника со стороны Льгова, Дмитровска, восстановить положение в районе Хутора Михайловский (на железнодорожной линии Брянск — Конотоп) и, ликвидировав деникинские войска в районе Дмитровска, нанести удар на Дмитриев.

В 41-ю дивизию Роберт Петрович прибыл 9 октября, как раз в день вступления в силу новой директивы командования ².

Добравшись до Турищево, он нашел полевой штаб дивизии, где начальник оперативного отдела передал ему телеграмму командующего армией И. П. Уборевича, который ставил перед дивизией задачу наступать на Ху-

---

¹ ЦГАСА, ф. 199, оп. 1, д. 17, л. 188.

² ЦГАСА, ф. 199, оп. 2, д. 87, л. 77 об.

тор Михайловский, удерживая район Севска. Соседями 41-й дивизии в это время были 7-я стрелковая дивизия — слева и 52-я — справа. Сама 41-я занимала фронт от Турищево до Севска. Наступали дни перелома. Частям 41-й дивизии приходилось готовиться к переходу в контрнаступление в условиях тяжелых оборонительных боев.

Дивизия была сильно ослаблена, нуждалась в людских пополнениях, в снабжении продовольствием, оружием и боеприпасами. Ослабла дисциплина, процветала партизанщина, особенно в кавалерийских частях¹. В результате последних боев из строя было много политработников, ослабла политработа, не доставлялись нормально газеты и литература.

Особенно тяжелое положение сложилось в 3-й и 4-й бригадах, где в течение четырехмесячных боев не получали централизованных пополнений, если не считать местных добровольцев, в том числе добровольцев из Курской губернии. 3-я бригада (под командованием Ю. В. Саблина) насчитывала 900 штыков, 4-я (комбриг Н. Н. Фиалковский) — около 800, Сумской полк — 160, а 361-й — всего 23². Однако совсем еще молодая 41-я дивизия, сформированная в августе 1919 года из частей и групп, отступивших из Харькова, крепла и закалялась в боях. Харьковские и донецкие рабочие, в большинстве укомплектовавшие дивизию, придавали ей особую стойкость.

11 октября Ударная группа быстро и решительно начала свое продвижение в направлении Поньри, Фатеж. Во время продвижения на ее флангах создавалась неблагоприятная обстановка, что сильно угрожало операции в целом.

13 октября белые захватили Орел. Ударной группе стали угрожать справа — дроздовская, слева — корниловская дивизии. В связи с этим Ударная группа 14 октября изменила свое направление: стала продвигаться к станции Куракино (ближе к Орлу). С этого же дня она перешла в распоряжение командарма 14 И. П. Уборевича.

---

¹ ЦГАСА, ф. 199, оп 2, д. 58, л. 168.

² Там же, л. 117.

41-я дивизия, действовавшая в центре 14-й армии, во многом способствовала общему успеху. 12 октября она освободила Хутор Михайловский, а на другой день Дмитровск.

С 16 по 20 октября в районе Орел, Кромы, Дмитровск развернулись ожесточенные бои. От исхода их зависела судьба борьбы с Деникиным. Это прекрасно понимал противник, который любой ценой пытался сломить сопротивление красных частей, бросая в бой все свои резервы. Белым удалось вновь овладеть Дмитровском. Однако вскоре инициатива окончательно перешла к войскам Красной Армии. 20 октября был освобожден Орел, затем Кромы.

В «Истории гражданской войны в СССР» об этом периоде говорится следующее: «...17 октября белые повели наступление из района Дмитровска. Дроздовская дивизия нанесла здесь удар в стык 7-й и 41-й стрелковых дивизий 14-й армии. Белые рассчитывали стремительным натиском разгромить части 14-й армии и атаковать с запада во фланг и тыл ударную группу.

Не считаясь с потерями, они предпринимали одну атаку за другой, но все атаки разбивались о стойкость и упорство воинов 41-й дивизии, которой командовал славный сын латышского народа, активный участник Октябрьской революции, коммунист Р. П. Эйдеман. Деникинцам не удалось прорвать боевых позиций дивизии»¹.

Несмотря на малочисленность, отсутствие обмундирования, острый недостаток патронов, дивизия вела ожесточенные бои с неприятелем. Бойцы и командиры сражались с врагом героически, самоотверженно. Политком дивизии Я. Копилевич докладывал Эйдеману, что в боях в районе Севск, Дмитриев 22 октября помощник политкома 365-го полка Виноградов был окружен неприятельской кавалерией, отстреливался до последнего патрона. Когда патроны уже кончились, в упор к нему подскочил казак. Виноградов хотел схватить его за ногу, но это не удалось, и казак шашкой отрубил Виноградову голову².

---

¹ История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., Госполитиздат, 1959, стр. 269.

² ЦГАСА, ф. 199, оп. 2, д. 58, л. 200.

Выслушав рапорт политкома, Роберт Петрович заметил:

— Это исключительное спокойствие в бою, достигающее до дерзости. Товарищу Виноградову честь и слава, он большой патриот Родины...

26 октября дивизия Эйдемана в результате ожесточенного боя освободила город Дмитровск и повернула свой фронт в сторону Дмитриева, с тем чтобы освободить и его. На другом участке Южного фронта в руки советских войск окончательно перешел город Кромь.

В период подготовки частей 41-й дивизии к наступлению по освобождению Дмитриева — опорного пункта дроздовцев — 10 ноября Реввоенсоветом 14-й армии было принято решение назначить Эйдемана начдивом соседней, 46-й стрелковой дивизии. Протокол заседания, происходившего в Брянске, подписан командармом И. П. Уборевичем и членом Реввоенсовета Серго Орджоникидзе.

Начальником 41-й дивизии был назначен Ю. В. Саблин, командовавший ранее 3-й бригадой.

Командование 14-й армии считало, что Эйдеман более всего подходит для руководства дивизией, которая должна была действовать на главном направлении. Роберт Петрович отличался настойчивостью в выполнении замысла командарма и исключительной дисциплинированностью. Уборевич верил, что любой приказ, отданный Эйдеману в этот ответственный момент, будет выполнен. Роберт Петрович был хорошо осведомлен о планах командования. Командарм Уборевич постоянно включал Эйдемана в боевые приказы как своего заместителя.

Борьбу за Дмитриев вели обе дивизии — 41-я и 46-я. После овладения городом пути наступления несколько разошлись: 41-я дивизия наступала на Глухов, Рыльск (правее), а 46-я — на Льгов и крупный Льговский железнодорожный узел, связывающий Курск, Конотоп, Харьков, Брянск. Он являлся важной базой снабжения белых. Овладение Льговом и Льговским железнодорожным узлом на южном берегу реки Сейм открывало войскам 14-й армии путь далеко на юг и юго-запад.

13 ноября в 12 час. 35 мин. Уборевич и Орджоникидзе отдали приказ начдивам, действовавшим в райо-

не Дмитриева, овладеть этим городом, так как именно сейчас, говорилось в приказе, «представляется исключительный случай, пользуясь численным превосходством, разбить противника... Очистить путь на юг. Комиссарам и коммунистам быть все время на линии огня»¹.

В этом же документе отмечалось, что противник в районе Дмитриева сосредоточил всю дроздовскую дивизию. Начдиву 46 было приказано «вести решительное наступление, охватывая противника с запада и отрезая с юга (с фронта Дмитровск, Комаричи. — Д. П.). Начдиву 41 решительным наступлением теснить противника с фронта (из района Севска. — Д. П.). Начдиву 7... охватывать противника с востока и развивать удар на юг. Начдиву 8 кавалерийской произвести удар на Льгов и тыл дроздовской дивизии, содействовать полному сокрушению противника»².

Командарм Уборевич и член Реввоенсовета Орджоникидзе поспешили в расположение частей 46-й дивизии, так как беспокоились за проведение Дмитриевской операции. Они надеялись прибыть туда 13 ноября, но задержались в связи с крушением поезда на разъезде Погребы (50 км северо-западнее Дмитриева, на линии железной дороги Брянск — Льгов). К счастью, Уборевич и Орджоникидзе отделались только ушибами³, но командарм был очень раздосадован тем, что у него пропало столько времени, тогда как дорогá была каждая минута.

14 ноября Уборевичу доложили, что 46-й дивизией по-прежнему командует А. Н. Ленговский. Командарм был возмущен и метал громы и молнии в адрес Ленговского, который, несмотря на приказ, «не вывел части в требуемых... направлениях...»⁴. Вскоре выяснилось, что Роберт Петрович выехал из района Севска, где находился его полевой штаб, в район, расположенный ближе к Дмитриеву, навстречу Ленговскому, чтобы обеспечить проведение операции по освобождению Дмитриева. Эйдеман не знал, что уже за несколько дней до выезда из полевого штаба он был назначен начдивом 46-й дивизии,

---

¹ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 4, л. 41—42.

² Там же.

³ ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 36, л. 12.

⁴ ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 30, л. 46.

так как телеграмма ему не была своевременно доставлена.

Все еще продолжая разговор в повышенном тоне (разговор шел с начальником штаба армии П. К. Мармузовым), Уборевич потребовал срочно найти Эйдемана, чтобы тот немедленно вступил в командование 46-й дивизией, которая должна всеми силами без задержки повести наступление на Арбузово (10 км южнее Дмитриева) и Березу и во что бы то ни стало выйти на железную дорогу.

Мармузов ответил, что все будет исполнено¹.

Официально, как видно из приказа, в командование войсками 46-й дивизии Эйдеман вступил 16 ноября, в день освобождения Дмитриева², за который бок о бок, плечом к плечу сражались обе дивизии.

После четырехчасового ожесточенного боя дмитриевская группировка противника была разгромлена.

На станции Дмитриев находился штаб 3-й пехотной дивизии белых, который за 15 минут до занятия красными войсками города выехал в направлении на Льгов.

После взятия Дмитриева Реввоенсовет 14-й армии выразил начдиву Эйдеману свое восхищение частями дивизий и просил передать братское спасибо славным бойцам. Реввоенсовет потребовал, чтобы начдивы немедленно представили отличившихся командиров, политработников и красноармейцев, а также полки к наградам. Командование армии приказало продолжать стремительное преследование противника. «Ночь, непогода не должны задерживать нас ни на одну минуту. Не давать противнику увести за Сейм ни одной пушки, ни одного пулемета... Решительным ударом раз навсегда очистить путь на юг»³, — призывали Уборевич и Орджоникидзе.

В приказе № 37 от 18 ноября, отданном в Дмитриеве, Эйдеман поставил перед частями дивизии задачу достичь «южного берега реки Сейм и занять там плацдарм». Части дивизии должны были вступить с противником в борьбу за Льговский железнодорожный узел и город Льгов⁴. Для совместных действий 46-й дивизии

¹ ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 30, л. 50.

² ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 517, л. 76. Приказ отдан Эйдеманом 17 ноября в г. Дмитриев.

³ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 81, л. 75.

⁴ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 7, л. 37.

была придана 8-я кавалерийская дивизия под командованием В. М. Примакова.

В результате стремительного наступления 46-й стрелковой дивизии в сочетании с ударом конницы Примакова, совершившей блестящий рейд на Льгов, крупный Львовский железнодорожный узел и сам город были взяты. Удар конницы по Льгову для белых оказался полной неожиданностью. Было захвачено до 800 пленных, 7 орудий и много вагонов с военным имуществом.

Во Льгове¹ Роберт Петрович находился при штабе 3-й бригады (комбриг М. Я. Германович), расположившемся в одном из зданий на Красной площади, — штабдив прибыл несколько позднее. Перед командованием дивизии стояло множество задач: организация бесперебойной связи с частями дивизии и соседями; разведка, снабжение войск и подтягивание тылов; назначение комендантов железнодорожных станций; учет трофейного продовольствия и военного имущества, захваченного на линии Курск — Льгов²; подготовка плана дальнейших действий совместно с 8-й кавалерийской дивизией и составление приказа на наступление.

В 2 часа ночи 19 ноября во Льгове встретились два начдива — 46-й стрелковой и 8-й кавалерийской. Виталий Маркович Примаков был моложе Эйдемана всего на два года, но казался совсем молодым по сравнению с ним. Роберта Петровича очень старила борода, с которой он расстался лишь во второй половине 20-х годов. Беседа начдивов продолжалась около двух часов и касалась плана совместных действий дивизий по освобождению города Суджа. На прощание Роберт Петрович пожелал Примакову и его славной дивизии успехов, похвалил воинов за быстроту действий.

Бои в октябре — ноябре за Дмитровск, Севск, Хутор Михайловский, Дмитриев, Льгов, происходившие на фронте 14-й армии, являлись частью Орловского сражения. Все они были согласованы с боевыми действиями войск 13-й армии (левое крыло Южного фронта) и направлены на выполнение общей стратегической задачи.

Роберт Петрович считал Орловское сражение генеральным и высоко ценил роль партии и лично

---

¹ Ныне во Льгове одна из улиц названа именем Р. П. Эйдемана.

² ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 48, л. 14.

В. И. Ленина в его организации. Характеризуя стратегическое и историческое значение Орловского сражения, Эйдеман писал:

«В гражданской войне, как никогда раньше, политика и стратегия умели сочетать свои усилия на главных и основных направлениях. Политика и стратегия как бы нашли свое полное гармоническое сочетание в гениальной голове Ленина, в октябре 1919 года чаще, чем обыкновенно, склонявшейся над военной картой... Еще не опубликованы материалы Института Ленина, характеризующие военную работу Владимира Ильича, но и сейчас можно сказать, что лично Владимиру Ильичу, его воле, его стратегическому чутью принадлежит многое в отражении деникинского натиска. Владимир Ильич сам следит за переброской Латышской дивизии. Он сам проверяет исполнение ответственных постановлений СТО. Его энергия, его воля пронизывают в эти исторические дни всю работу главного командования»¹.

Статья Эйдемана «Орловское сражение», из которой мы процитировали строки о Ленине в связи с гражданской войной, является, по нашему мнению, одной из лучших работ, посвященных замечательной победе Красной Армии над войсками Деникина. Она была опубликована в октябре 1929 года по случаю десятилетнего юбилея Орловского сражения. Эта статья прозвучала резким диссонансом с опубликованной тогда же книжкой К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», в которой все заслуги в гражданской войне, и особенно в разгроме Деникина, приписывались Сталину.

Нельзя пройти мимо ряда интересных стратегических выводов, сделанных Эйдеманом в связи с Орловским сражением, ставшим историческим. Он писал, что прямая, негибкая стратегия Деникина, выбросившая на вершину своеобразного стратегического клина Добровольческую армию (ее лучшие ударные части — дроздовскую, корниловскую и алексеевскую дивизии), чтобы кратчайшим путем маршировать на Москву, привела Деникина к катастрофе. «В век железных дорог, — говорит Роберт Петрович, — более гибких, усовершенствованных методов оперативного управления негибкая, упорствующая на одной группировке, давно разгадан-

---

¹ «Красная звезда», 16 октября 1929, № 239.

ная, оперативная мысль неизбежно берется под фланговый или даже фронтальный огонь последовательных оперативных группировок более гибкого противника. Даже Шлиффен, полководец крупного масштаба и исключительной воли, понявший всю необходимость сообразить без колебаний основные силы на решающем направлении, прекрасно сознавший возросшую роль маневренности, оставил после себя ложные надежды на возможность разрешения одним ударом современной большой войны»¹.

Оперативная мысль Деникина, как указывает Эйдемман, была слишком дряхлой, отражавшей «вырождение отживающего строя» (буржуазно-помещичьего. — Д. П.). Повернув в районе Донбасса Добровольческую армию лицом к Москве, командование белых сохранило эту группировку до октября 1919 года, до решительных дней, когда на фронте Дмитриев, Севск, Дмитровск, Кромы, Орел развернулись многодневные бои Ударной группы красных войск. Орловское сражение связало под Кромами и Орлом главные силы Деникина. Командование белых было лишено своего основного маневренного кулака, в то время как красные совершили искусный маневр, приведший к разгрому основных сил противника. Давление войск Красной Армии на флангах орловского клина превратилось для белых в катастрофу.

Воля к решительному, уничтожающему сражению — вот что характерно для стратегии красных, пишет Роберт Петрович. Он подчеркивает большое значение питания из глубины современного сражения. «Неорганизованный, политически ненадежный тыл Деникина не обеспечивал этого питания белым»².

46-я стрелковая дивизия под командованием Эйдеммана, выдвинувшаяся на правом фланге 14-й армии в направлении Севск, Дмитриев и захватившая Дмитриев почти в тылу основной группировки деникинцев, в какой-то мере способствовала нарушению неустойчивого равновесия противника в Орловском сражении в пользу войск Красной Армии.

---

¹ «Красная звезда», 16 октября 1929, № 239.

² Там же.

К МОРЮ

Мы —
Революции бойцы и певцы —
Идем.
Мы те,
Кто самый славный свой стих
Республике
Сложит...¹

Со времени выхода войск Южного фронта на линию Бахмач, Конотоп, Рыльск, Льгов, Курск, Тим, Лиски задачи, поставленные советским командованием на период контрнаступления против Деникина, были выполнены. 14-й армии в ближайшее время предстояло овладеть Харьковом — важнейшим промышленным центром Украины и крупным железнодорожным узлом страны. Красные войска неудержимым потоком двигались все дальше на юг, к морю, не давая противнику возможности опомниться.

Во Льгове Эйдеман разработал приказ о наступлении на Суджу. Он настойчиво требовал: «Комбригам по возможности не распылять свои части, бдительно освещать прорывы между ними разведками»².

Погода в эти дни стояла промозглая: непрерывно шел мокрый снег и дули сильные ветры, в поле поднималась метель, из-за которой ничего не было видно. Начальник штаба 46-й дивизии А. М. Осадчий, продвигавшийся вместе с передовыми частями в направлении Вышних Деревенек (к югу от Льгова по Северо-Донецкой железной дороге), писал во Льгов Роберту Петровичу, что из-за плохой погоды «от самого сахарного

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 66.

² ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 7, лл. 38—39 об.

завода¹ пришлось вести лошадей на поводу и, несмотря на это, на 15-й версте одна лошадь пала... Состояние погоды допускает движение... со скоростью две-три версты в час...»².

Несмотря на неблагоприятные условия, 1-я бригада дивизии Эйдемана, действовавшая на правом фланге, 23 ноября с боем заняла село и станцию Коренево, где была сосредоточена кавалерия противника. Потеряв большое количество лошадей, белые отступили в направлении города Сумы.

В момент борьбы за Суджу из Дмитриева, куда перебазировался полевой штаб 14-й армии, поступила телеграмма Реввоенсовета Южного фронта от 22 ноября. Она была вручена Эйдеману на станции Локинская (на линии Льгов, Харьков). В телеграмме Реввоенсовета говорилось:

«Реввоенсовет, с гордостью следя за боевыми успехами частей доблестных 13-й и 14-й армий, шлет свои поздравления командующим, членам Реввоенсовета, всему командному составу, героям-красноармейцам, взявшим столь важные стратегические пункты, как Курск и Льгов. Реввоенсовет выражает уверенность, что названные армии продолжают действовать в полном братском единении и в самый кратчайший срок окончательно разгромят и уничтожат корниловско-дроздовскую группу войск Добровольческой армии и неудержимой лавиной быстро пробьются к морским берегам»³.

Прямо на телеграмме Роберт Петрович написал: «Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, командах дивизии при первом удобном случае».

В то время как Эйдеман находился с полевым штабом на пути в Суджу, назначенные им коменданты станций налаживали нормальную жизнь Льговского железнодорожного узла. На имя начдива поступали донесения о том, что взорванные мосты уже восстановлены, телеграф и телефон работают исправно, налажено освещение и водоснабжение, пути расчищаются от снега.

В районе Локни Роберт Петрович встретился с комбригом 1 Я. А. Киселем и приказал ему, на случай если

---

¹ Сахарный завод находится на станции Льгов 1.

² ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 29, л. 2.

³ ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 305, л. 8.

дивизия Примакова опоздает с выполнением приказа, атаковать Суджу, взаимодействуя с частями 2-й бригады (комбриг Жупан), наносящими лобовой удар, и частями 3-й бригады (комбриг М. Я. Германович), совершающими обходное движение.

Эйдеман сообщил комбригу, что командарм недоволен ходом Суджанской операции и порицает действия командиров 46-й и 8-й кавалерийской дивизий, которые проводят операцию плохо, «без малейшей идеи маневра»¹. Очень сильно при этом досталось В. М. Примакову за то, что он отказался от пехотного полка, который ему давали, и в результате этого, встретив упорное сопротивление противника, не прорвался в тыл, а действовал прижавшись к пехоте.

Эйдеману же командарм выговорил за то, что его 46-я дивизия ведет безуспешные атаки, не стараясь обходным движением восточнее Суджи в направлении станции Псел принудить противника к отходу².

Вопрос о маневре и гибкости в борьбе с противником начдив не раз ставил перед своими комбригами еще до Суджанской операции. Однако некоторые командиры не учли уроков и продолжали бить противника в лоб. Заняв Суджу, Эйдеман учел замечания командарма и в своем полевом приказе от 26 ноября еще раз обратил внимание комбригов на то, что их стремление «наносить противнику удары в лоб... указывает на графяретность. Такой способ наступления, пишет он, ведет к излишним потерям, тем более что мы имеем дело с офицерской дроздовской дивизией, широко пользующейся всеми пунктами обороны. Комбриг должен возможно чаще лично руководить боем и при полевом штаббриге иметь всех оперативных сотрудников налицо»³.

Встретив на подступах к Харькову сильное сопротивление Добровольческой армии, командование 14-й армии приняло решение обходным маневром сломить сопротивление противника и овладеть городом.

В то время как конная группа червонных казаков, усиленная бригадой Латышской дивизии, должна была прорвать фронт противника и совершить глубокий рейд

---

¹ ЦГАСА, ф. 199, оп. 4, д. 34, л. 8.

² Там же.

³ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 7, л. 40 об.

в направлении на Грайворон, Огульцы, отрезав с юга район Харьков, Мерефа, Змиев, 46-я дивизия должна была наносить удар по белгородской группировке противника в направлении на Люботин и охватить Харьков с запада.

Началось стремительное наступление. Красные войска занимали один за другим населенные пункты на пути к Харькову.

46-я дивизия двигалась в центре 14-й армии, и Эйдемман видел, что сопротивление белых по мере продвижения наших войск возрастало. Особенно упорно сопротивлялся противник 7—8 декабря в районе села Лютовка. «Это было лютое для нас место»¹, — писал Роберт Петрович.

Трудности продвижения 46-й дивизии усугублялись также рядом причин внутреннего характера, к которым относились: недостаточная организованность тыла, поврежденные деникинцами железнодорожные пути, частое нарушение связи, недостаток патронов и снарядов.

Значительно медленнее двигался сосед слева — Латышская дивизия, в результате чего 46-я дивизия вместе с 41-й дивизией Саблина вышла далеко вперед². Прежде чем части Латышской дивизии вошли в Харьков, дивизия Эйдемана уже обошла город с запада, и ее штаб находился на пути в Мерефу, примерно в 30 км юго-западнее Харькова.

Непрерывно и настойчиво продвигаясь вперед, войска Южного фронта охватили Харьков с трех сторон. Под угрозой полного окружения войска Деникина вынуждены были поспешно отступить, и 12 декабря части Красной Армии вступили в город.

Белогвардейцы надеялись удержать за собой Харьков, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы. Так, в заявлении командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского сказано: «Хотя положение серьезное, но командованием приняты меры, производятся солидные перегруппировки, и я вполне спокоен»³.

---

¹ Этапы большого пути. Сборник. М., Воениздат, 1962, стр. 325.

² См. Этапы большого пути, стр. 324.

³ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 66, л. 5.

Позднее, анализируя ход и значение Харьковской операции, Роберт Петрович писал, что защита Харькова была задумана белыми как серьезная операция, заключающаяся в том, чтобы отразить наступление красных на дальних подступах к городу, а затем перейти от обороны к наступлению. Деникин понимал, что оборона Харькова — крупнейшего центра страны — может быть обеспечена лишь при условии, если она будет вынесена далеко вперед¹. План деникинцев удержать город рухнул не потому, что он был плохо задуман, писал Эйдеман, а потому, что даже «самый блестящий план оказывается бессильным тогда, когда у этого плана нет исполнителей, когда против него — народ»².

После занятия Харькова Эйдеман получил от командарма большую часть оперативной задачи 14-й армии. Командование Южного фронта требовало, чтобы 14-я армия как можно скорее вышла на линию Лозовая, Чаплино, Бердянск и преградила путь в Донбасс белогвардейским войскам с Украины.

Сохранилась запись разговора по прямому проводу Уборевича с Эйдеманом.

— Задача вашей Ударной группы в армейском масштабе, — сказал командарм, — стремительно продвигаться на юг, захватывая левым флангом станцию Гришино и Бердянск включительно... Не приходится надеяться, что ваш сосед слева будет поспевать за вами... Однако обстановка в продвижении соседей не должна влиять на быстроту и решительность продвижения вашей группы³ в южном направлении⁴.

Начдив ответил:

— Отставание соседей меня не смущает, мы продолжаем двигаться с возможной скоростью⁵.

Роберт Петрович попросил командарма сменить его части, после того как будет занят узел Просьяная, Чаплино левофланговыми частями 41-й дивизии. Это даст возможность двигаться более компактной группой. Уборевич согласился и предложил группе Эйдемана дви-

---

¹ См. Этапы большого пути, стр. 323.

² Этапы большого пути, стр. 326.

³ Имеется в виду 11-я кавалерийская бригада, а также 8-я кавалерийская дивизия и другие части, подчиненные Эйдеману.

⁴ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 52, л. 12.

⁵ Там же, л. 13.

гаться восточнее железной дороги Просыная — Богодар и далее на юг.

— Должен сказать вам, — предупредил командарм, — что вашей дивизии без всякого отдыха придется совершить марш до берегов Черного моря, каковой, полагаю, вам придется исполнить к середине января. Поручая столь ответственную задачу вам, я надеюсь, что вы блестяще с ней справитесь¹.

Командарм обещал немедленно выслать подписанный им приказ о стремительном выдвижении 46-й дивизии на линию Чаплино, Гришино и еще раз подтвердил, что 8-я кавалерийская дивизия находится в подчинении Эйдемана.

Роберт Петрович обещал приложить все усилия, чтобы задача была выполнена. Сильно утомившуюся пехоту, сказал он, придется передвигать на подводах. Затем сообщил, что за последние три дня (по-видимому, 23—25 декабря. — *Д. П.*) взяты большие трофеи: свыше 400 человек пленными (в том числе весь запасный батальон 7-й дивизии — 300 стрелков, 6 офицеров, 1 врач); обоз первого разряда; 500 винтовок. Около 20 офицеров и солдат запасного батальона, оказавших сильное сопротивление, были изрублены. Кроме того, 406-й полк во время боя за село Преображенское захватил 40 лошадей с седлами и 1 пулемет. Но вместе с этим Эйдеман заметил, что многие части так привыкли брать пленных, что не сообщают об этом².

Окончив разговор с командармом, Эйдеман немедленно отдал распоряжение начдиву 8-й кавалерийской: «Приказываю Вам перейти линию реки Бык не в 7 (как было условлено. — *Д. П.*), а в 5 часов 30 декабря и овладеть станцией Гришино к 12 часам этого же дня»³.

30 декабря 410-й стрелковый полк после короткого боя занял станцию Чаплино, захватив большие трофеи⁴, а 1-й червонный казачий полк на рассвете 31 декабря занял станцию Гришино.

Поражает исключительная маневренность боевых действий, стремительность событий. Группа Эйдемана, основу которой составляла 46-я стрелковая дивизия, с

¹ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 52, л. 54.

² Там же, л. 53.

³ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 16, л. 85.

⁴ Там же, л. 91.

боями продвигаясь к морю, освободила ряд населенных пунктов: Лозовую, Синельниково, Чаплино, Гришино, Большой Токмак, Гуляй-Поле, Берислав, Мелитополь, Ново-Алексеевку, Каховку, Асканию Нова, Армянский Базар и много других.

За короткое время войскам Красной Армии удалось разгромить на юге страны большую и сильную армию Деникина. Реввоенсовет Южного фронта 10 января 1920 года издал приказ № 19, в котором поздравлял войска с блестящей победой. В нем также говорилось, что «Добровольческая армия, подкрепленная конницей Мамонтова, Шкуро и Улагая, разбита и остатки ее бегут по разным направлениям. Армиями фронта захвачено свыше 40 тыс. пленных, 750 орудий, 1130 пулеметов, 23 бронепоезда, 11 танков, 400 паровозов, 12 200 вагонов и огромное количество всякого другого военного имущества»¹.

Группировке генерала Слащева удалось закрепиться на Перекопском и Чонгарском перешейках, которые были сильно укреплены и их считали «белым Верденом».

Перед войсками Красной Армии стояла задача прорваться в Крым.

2 января Южный фронт был переименован в Юго-Западный, и 46-я дивизия перешла в подчинение командарма 13.

Начались жестокие бои в районе Перекопского и Чонгарского перешейков, в результате которых частям 46-й стрелковой дивизии под руководством Роберта Петровича удалось занять город Перекоп.

Сообщая командарму 13 о взятии Перекопа, Эйдеман 22 января 1920 года писал о необходимости принять меры по обеспечению дальнейшего успешного наступления дивизии:

«После упорного боя частями дивизии занят Перекоп и продолжается дальнейшая операция по овладению укрепленным районом Перекопского перешейка. Для обеспечения со стороны Крыма действующих против Перекопского укрепленного района частей, ввиду неподхода частей 45-й дивизии, я вынужден держать заслон из двух пехотных полков и дивизионной конницы. По сведениям пленных и перебежчиков, Перекопская опе-

¹ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 507, л. 55.

рация вышла для противника неожиданностью. Части 34-й дивизии, отступившие из-под Херсона, были застигнуты нами врасплох. Вслед за 34-й дивизией отступавшая на Крым 5-я стрелковая дивизия противника уже не могла пройти ввиду подхода наших частей к Перекопу в район побережья Черного моря. Противник нервничает, освещает местность прожекторами до Херсона. Обращаю ваше внимание на задержку 45-й дивизии, это заставляет меня держать заслон в северном и северо-западном направлениях; таким образом, для Перекопской операции при противнике, весьма упорном, я вынужден выделить конную бригаду и пехотный полк 2-й бригады при пяти легких орудиях. Если мне не будет дана возможность убрать правофланговый заслон, то может оказаться, что по овладении укрепленным районом противника я не буду в состоянии развить дальнейший успех, оставаясь в то же время под возможным ударом с запада. Докладывая о вышеизложенном, прошу оказать воздействие на 45-ю дивизию в смысле более быстрого продвижения»¹.

Это и другие донесения начдива 46 очень важны для правильной оценки последующих событий. Роберт Петрович был очень обеспокоен состоянием частей, которые после длительных боев и больших переходов сильно поредели и остро нуждались в пополнениях людьми, боеприпасами и огневыми средствами. Чтобы обеспечить дальнейший успех, необходимы были подкрепления из свежих частей: ведь предстояло идти на прорыв сильно укрепленной полосы противника.

24 января Эйдеман доложил командарму А. И. Геккеру, что части 1-й бригады с утра двинулись в наступление на Юшунь и, когда достигли Картказак, были встречены свежими превосходящими силами противника. Пришлось отступить. Одной из причин неудачи, как докладывал Эйдеман, была неуккомплектованность частей командным составом. Кроме того, белые продолжали занимать район Берислав, Алешки, а это заставляло «держать заслон от Каховки до берега моря». Указывая на малочисленность частей, слабость артиллерии, Роберт Петрович настойчиво просил об их усилении, «т а к к а к в п р о т и в н о м с л у ч а е в с я П е р е к о п с к а я

---

¹ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 15, л. 7 об.

операция, стоившая стольких жертв, в лучшем случае может быть не доведена до конца»¹.

Однако в то время он не мог получить ни людских подкреплений, ни комсостава, ни артиллерии. Выполняя приказ командования 13-й армии о наступлении на Перекопский перешеек, части, возглавляемые Эйдемманом, провели конец января в ожесточенных боях, которые шли с переменным успехом. Так, например, 25 января превосходящие силы противника после упорного боя заняли города Перекоп и Армянский Базар, а 28 января они снова были отбиты у противника частями 1-й и 2-й бригад².

В первой половине февраля Эйдемман еще раз поставил вопрос перед командармом 13 об усилении частей, чтобы скорее перейти в решительное наступление, так как его отсрочка дает противнику «возможность производить дальнейшее возведение укреплений... приводить за линией укреплений в порядок свои части и подготавливать их к активным действиям...»³.

Но время шло, а подкреплений все не было.

Февраль и март, согласно приказу командования, ушли на перегруппировку, подтягивание тылов, возведение окопов и укреплений для защиты Сивашского и Чонгарского мостов⁴.

Роберт Петрович неотлучно находился с войсками. Штаб его можно было встретить то в Аскании Нова, то в Ново-Алексеевке. Перегруппировка сопровождалась активной обороной и постоянным «беспокойством» противника. Велась усиленная разведка. Роберт Петрович использовал вынужденную передышку для обучения командного состава.

13 марта 1920 года приказом Реввоенсовета Республики № 126 Р. П. Эйдемман был награжден орденом Красного Знамени. В приказе говорилось, что он награждается орденом Красного Знамени за то, что искусно и блестяще руководил дивизией, не допустил прорыва про-

---

¹ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 15, л. 8.

² Там же, л. 10.

³ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 243, л. 40 об.

⁴ ЦГАСА, ф. 1426, оп. 2, д. 117, л. 16.

тивника в районе Дмитровска, Орловской губернии, а также за овладение Льговом, Суджей и Харьковским узлом и за проявление при этом личной храбрости¹.

20 февраля 1920 года И. П. Уборевич был назначен командующим 9-й (Кубанской) армией Кавказского фронта. Многие считали, что Эйдеман, прошедший с 14-й армией весь ее героический путь, был наиболее подходящим кандидатом на должность командующего этой армией. И действительно, 28 февраля последовал приказ о назначении Эйдемана командующим 14-й армией². Начдивом 46 согласно приказу стал Ю. В. Саблин, командовавший до этого Эстонской дивизией.

Под руководством Эйдемана 46-я дивизия прошла большой и славный путь от реки Сейм в Курской губернии до берегов Черного моря. Роберт Петрович полюбил дивизию и ее славных воинов. Многих красноармейцев, не говоря уже о командирах и политработниках, он знал в лицо. Бойцы и командиры платили ему уважением и доверием.

Прощаясь со своей дивизией, Роберт Петрович писал в приказе: «...Герои боев под Севском, Льговом, Харьковом, Лозовой и Перекопом! Я горжусь, что в ваших рядах мне суждено было пережить дни перелома, дни великих битв на Южном фронте. Прощаясь с вами, я уношу с собой твердую уверенность, что и впредь вы еще не раз сумеете покрыть неуязвимой славой подвигов Знамена Республики»³.

---

¹ ЦГАСА. Приказ Реввоенсовета Республики № 126 от 13 марта 1920 г.

² ЦГАСА, ф. 1426, оп. 1, д. 40, л. 181.

³ Там же.

КАХОВКА

В тифу пылали мы, но не сгорали.
Мы воинами были — тверже стали ¹.

Весной 1920 года империалисты США, Англии, Франции организовали новый антисоветский поход, в котором главной ударной силой были войска буржуазно-помещичьей Польши и белогвардейские войска Врангеля. Недооценка главкомом и Реввоенсоветом Республики Крымского участка фронта дала возможность белогвардейцам, опиравшимся на империалистические государства, воспользоваться временной недоступностью Крыма, накопить крупные силы и реорганизовать армию. Более того, врангелевские войска настолько окрепли, что сумели нанести контрудар по советским войскам и даже выйти за пределы Крыма.

Эйдеман еще задолго до контрудара врангелевских войск просил главное командование уделить большее внимание Крымскому фронту, реорганизовать воинские части, пополнить их резервами, огневыми средствами и всем необходимым. Но только после 15 марта 1920 года, когда В. И. Ленин в записке на имя заместителя председателя Реввоенсовета Республики Склянского потребовал «обратить сугубое внимание на явно *допущенную* ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)»², главком издал директиву в кратчайший срок освободить Крым. С этого времени в приказах и

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 41.

² В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., Воениздат, 1956, стр. 228.

оперативных документах штабов частей, находившихся в преддверии Крыма, появились сведения о намечавшейся перегруппировке. Однако плохое состояние железнодорожного транспорта не позволило быстро перебросить силы на крымское направление. Белогвардейская же армия все более усиливалась. Врангелевские войска были отлично вооружены, во много раз лучше, чем другие белогвардейские армии.

Нападение панской Польши осложнило обстановку и задержало наступательную операцию против Врангеля.

На борьбу с Врангелем летом 1920 года были брошены новые силы: Коммунистическая партия мобилизовала несколько тысяч коммунистов, много своих работников отправили на фронт профсоюзы, прибыли туда и комсомольцы. На Крымский фронт были посланы испытанные в боях части и соединения: 2-я Донская и 9-я стрелковые дивизии, 5-я и 7-я кавалерийские дивизии, прибывшие с кавказского фронта, 30-я и 51-я стрелковые дивизии из Сибири, интернациональная кавалерийская бригада с Туркестанского фронта и некоторые другие части.

Прежде чем нанести окончательный удар по Врангелю, войска Красной Армии проделали большую предварительную боевую работу, без которой был бы немислим успешный ход операции по разгрому врангелевских войск в Северной Таврии в октябре — ноябре 1920 года, создание и удержание плацдарма на левом берегу Днепра, в районе Каховки, что вошло в историю гражданской войны как одна из наиболее ярких ее страниц. Занять и удержать каховский плацдарм было поручено войскам под командованием Р. П. Эйдемана.

В истории развития советского военного искусства Каховка — пример не только завоевания плацдарма глубиной 12—15 км, но и упорной борьбы за его удержание, пример глубоко эшелонированной обороны с централизованной артиллерией и инженерными сооружениями. В развернувшихся ожесточенных боях советские войска получили первый опыт борьбы с танками и организации противотанковой обороны. В конце октября плацдарм послужил местом сосредоточения и развертывания 1-й Конной армии. Защитники Каховки, воспетой в песнях,

неоднократно отбивали мощные атаки отборных врангелевских войск, действовавших при поддержке танков, бронемашин, сильной артиллерии и авиации.

Значение каховского плацдарма огромно. Расположенный в 60—70 км от Перекопа, он давал возможность советским войскам в любое время нанести удар во фланг и тыл основной группировки Врангеля, препятствовал объединенным действиям врангелевских и белопольских войск на Украине. Именно отсюда был нанесен основной удар по Врангелю.

Врангелевское командование считало, что Красная Армия неспособна форсировать Днепр, но оно ошибалось.

В статье «Каховский плацдарм», написанной в связи с 15-летием разгрома Врангеля, Р. П. Эйдеман так оценивал эти события. «В конце июля командование Юго-Западного фронта принимает смелое решение: форсировать в районе Каховки Днепр и, нанеся Врангелю удар на Перекоп и Мелитополь, поставить его прорывавшиеся на север и северо-восток главные силы перед угрозой полного окружения и потери сообщений со своей базой — Крымом»¹.

«Настоящий полководец, — писал Эйдеман, имея в виду командующего Юго-Западным фронтом А. И. Егорова, — смело идет на сосредоточение сил в ударных группировках, не боясь на сознательно ослабленных участках временного «успеха» противника»².

Такая точка зрения целиком отражала оперативную практику гражданской войны, однако она не устарела и поныне. Создание ударных группировок и форсирование широких водных преград, в том числе Днепра, с занятием плацдарма широко применялись в период Великой Отечественной войны.

В целях успешного наступления была создана Ударная группа, которая сосредоточилась в районе Берислава. В ее состав вошли четыре дивизии: Латышская — начдив К. А. Стуцка; 52-я — начдив М. Я. Германович; 15-я — начдив П. А. Солонухин и находившаяся в пути 51-я — начдив В. К. Блюхер. Группа получила название

---

¹ Этапы большого пути, стр. 328.

² Там же.

Правобережной, командование ею было возложено на Р. П. Эйдемана. Намечавшееся направление основного удара — от Берислава на Большую и Малую Каховку, где ширина Днепра не превышала 400 м.

2 августа врангелевские войска заняли Александровск и Орехов, что сильно ухудшило обстановку на фронте 13-й армии. Это вынудило Правобережную группу Эйдемана перейти в наступление, не дожидаясь подхода включенной в нее 51-й дивизии Блюхера, головные части которой ожидались 8—9 августа¹.

4 августа Роберт Петрович отдал подробный приказ о подготовке к форсированию Днепра, где были перечислены меры, обеспечивавшие наступление Правобережной группы.

Главный удар в направлении Малой и Большой Каховки наносили 52-я и Латышская дивизии. Южнее их действовала 15-я дивизия², которая должна была форсировать Днепр в районе Корсунского монастыря, а находящаяся под Херсоном Отдельная (Херсонская) группа получила задачу занять Алешки (в направлении на Перекоп).

На подготовку к форсированию Днепра и занятие плацдарма в распоряжении командующего и его штаба были считанные дни. Началась интенсивная подготовка операции: подвозили лодки, лесоматериалы для сооружения моста, на берегу в укрытых местах вязали плоты, из Херсона были затребованы четыре катера и два парохода, для укрытия от артиллерийского огня и авиационных бомб у головных переправ оборудовались щели (узкие брустверные окопы с выходами), готовившиеся к наступлению стрелки были снабжены шанцевым инструментом для самоокапывания. Командующий группой Эйдеман предложил начдивам уделить особое внимание закреплению пройденного пространства и постройке тет-де-понов у головных переправ.

---

¹ 4 августа в 23 час. 45 мин. Эйдеман по прямому проводу сообщил командарму 13 Уборевичу, что некоторые части 51-й дивизии прибыли и сосредоточиваются в Меловом, но что он не находит возможным «использование этой дивизии по частям». (ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 22, л. 39.)

² 15-я дивизия за боевые действия против Врангеля на Сиваше при прорыве в Крым в ноябре 1920 года получила наименование Сивашской.

5 августа были даны подробные указания артиллерии способствовать продвижению пехоты на участках переправ и вести артподготовку по окопам противника в районе Корсунского монастыря и Малой Каховки¹. Командарм 13 Уборевич издал директиву под названием «Натиск», согласно которой все средства техники — тяжелая артиллерия особого назначения, бронепоезда, воздухо- и авиачасти — поступали в подчинение Эйдеману. Командарм также приказал главную массу артиллерии сосредоточить в районе Берислава для обеспечения переправы².

Была проведена разведка огневых позиций противника, которая подтвердила наличие на левом берегу 2-го пехотного корпуса (Слащева). Силы Правобережной группы уступали врагу в кавалерии, но несколько превосходили в пехоте и артиллерии.

Форсирование Днепра по указанию Уборевича было назначено в ночь на 7 августа.

6 августа Эйдеман отдал приказ, в котором говорилось, что белые спешно отходят на линию Васильевка, Большой Токмак, Марьяновка, устье реки Обиточная. «Более удобного момента для окончательного разгрома противника ожидать нельзя, — писал Эйдеман. — Приказываю всем проникнуться сознанием, что только решительность действий способна дать первоначальный успех и возможность развивать свой удар. Латдивизию, как наносящую главный удар, прошу помнить славные прошедшие бои³ и еще раз показать свою верность революции сокрушительным, и может быть последним, ударом по ослабевшему врагу. Вместе с тем указываю, что никаких откладываний операции не может быть... уверен в успехе... решимость не только дает успех, но и значительно сокращает количество потерь, а в ряды противника вносит панику и приводит его к полному уничтожению»⁴.

Войскам, которым предстояло форсировать Днепр, Эйдеман поставил оперативную задачу: разгромить живую силу противника и тем самым оказать поддержку Левобережной группе.

¹ ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 8, л. 11.

² ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 5, лл. 3, 4.

³ Имеется в виду бои под Орлом, Курском и Харьковом.

⁴ ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 8, л. 23.

Приказ заканчивался так:

«Требую от всех начальников поддержания должной связи как с подчиненными им частями, так и со мной. Стремительность натиска, взаимная ориентация и связь — залог успеха»¹.

Эйдеман рассчитывал на внезапность, и он не ошибся: как оказалось, штаб Слащева не ожидал нашего наступления.

В последние часы перед форсированием Днепра Роберт Петрович обратился к войскам с призывом в решительном бою уничтожить врага. Это обращение является ярким политическим документом:

«Настал час расплаты с белой армией барона Врангеля.

Части нашей армии на всем левом фланге перешли в решительное наступление, и противник, преследуемый нашими частями, поспешно отступает в общем направлении на Мелитополь.

Наш пролетарский долг поддержать части левого фланга нашей армии и дружным натиском перейти всем фронтом в решительное наступление. Решается вопрос о полной ликвидации южной контрреволюции.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, КОМАНДИРЫ И КОМИССАРЫ — ПОД КРАСНЫЕ БОЕВЫЕ ЗНАМЕНА!

Последний бой. Враг уже задыхается, и, чем сильнее будет наш нажим, тем скорее враг будет уничтожен.

НА РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ!

ВПЕРЕД, КРАСНЫЕ ГЕРОИ!

ВАМ ВЫПАЛА СЛАВНАЯ ЧЕСТЬ БЫТЬ МОГИЛЬЩИКАМИ ОСТАТКОВ помещичье-генеральской своры, выползшей из крымского гроба.

ВПЕРЕД, НА РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПРИСТУП!

**НА ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЗА КРАСНЫЙ КРЫМ!
ВРАГ ДОЛЖЕН БЫТЬ УНИЧТОЖЕН!»²**

Форсирование Днепра началось около часу ночи.

Через 15 лет, в день годовщины Красной Армии, Роберт Петрович, вспоминая томительные напряженные часы, когда все распоряжения уже были отданы и оставалось только ждать, писал:

¹ ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 8, л. 22.

² ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 6, л. 3.

«...а ночь была настоящая южная, густая и бархатная...

Тишина... Все еще тишина... Почему так долго плывут лодки?..

Наконец на правом берегу затрещали выстрелы. Грянуло, пронеслось над сонным простором реки — «ура!». Значит, наши там. Значит, наши на том берегу. «Ура!»

Почти одновременно проснулись пулеметы белых. Белые были явно застигнуты врасплох. Струи пуль, свистя, проносились над нашими головами и ударились в высокий обрыв, взрывая землю...»¹

К 12 часам войска Красной Армии уже занимали Большую и Малую Каховку. Под огнем противника через два с половиной часа был наведен мост, по которому поэшелонно двинулись главные силы 52-й и Латышской дивизий. Сначала прошла пехота и конница, а затем, не прекращая огня, артиллерия. Правобережная группа крепко обосновалась на левом берегу.

Артиллерия сыграла исключительную роль в форсировании Днепра. Инспектор артиллерии армий Юго-Западного фронта военный инженер В. Д. Грендаль в своем отчете очень высоко оценил действия артиллерии 7 и 8 августа — во время боя за Бериславскую переправу. «Группировка артиллерии, разделение ее на группы, задачи группам и батареям вполне отвечали требованиям обстановки; борьба с артиллерией противника велась умело и энергично; достигнуто было полное массирование огня в нужный момент и в нужном месте; управление огнем всех групп было в руках одного артначника»².

Заняв плацдарм, необходимо было удержать его и укрепить. Борьба продолжалась. За пять-шесть дней выросла укрепленная полоса, которую совершенствовали до самого наступления на Перекоп. 13 августа ударная группа белых уже завязала бои с нашими охраняющими частями. На следующий день бои стали еще более ожесточенными. Правобережная группа стойко отражала все атаки и дралась с большим упорством, имея позади себя широкую водную преграду. «Знаменитый» врангелевский корпус Барбовича, наступая, пытался

---

¹ Этапы большого пути, стр. 329—330.

² ЦГАСА, ф. 306, оп. 1, д. 37, л. 89.

прижать войска Правобережной группы к Днепру и уничтожить их.

Но каховский плацдарм стойко оборонялся. Он удержался не только против конницы и пехоты, но и против танков противника и стал хорошим исходным пунктом для предстоящего наступления. (В конце августа каховский плацдарм состоял уже из трех оборонительных линий: передовой, основной, резервной.) Особенно жестокая борьба шла с танками противника. Когда танки врывались в укрепленную полосу красных, пехота, пропустив их через окопы, отражала атаки пехоты противника. На «стальные чудища» — французские тяжелые танки «Рикардо» — с гранатами в руках бросались красноармейцы, по ним била артиллерия.

Роберт Петрович был неутомим, он успевал побывать всюду. Немедленно сообщал начдивам о своих наблюдениях, тут же принимал новые тактические и оперативные решения, на месте учитывая обстоятельства боя. «Каховка сделала свое дело, — писал он впоследствии. — Врангель потерял оперативную свободу»¹.

В 20—30-х годах Эйдеман не раз выступал с докладами по истории гражданской войны и с особым волнением говорил о Каховке, которая стала для него родной. Трудно забыть выражение лица Роберта Петровича, блеск его глаз, интонацию голоса, когда он в кругу друзей декламировал «Каховку» Михаила Светлова!

Каховка, Каховка, родная винтовка,
Горячая пуля, лети!

Эйдеман был одним из героев Каховки и остался вечно живым в памяти потомства.

«Каховка, — писал он, — это изумительное сочетание выдержки, хладнокровия и спокойствия со страстной отвагой и героизмом отдельных людей и целых частей...»²

27 сентября 1920 года, после того как каховский плацдарм был основательно укреплен, Роберта Петровича назначили командующим войсками внутренней службы Юго-Западного фронта³.

28 октября началось наступление советских войск, в результате которого белые были разгромлены в Север-

¹ Этапы большого пути, стр. 331.

² Там же, стр. 332.

³ ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 878, л. 232.

ной Таврии и ушли на полуостров, укрывшись там за мощными укреплениями. 7 ноября начался штурм Перекопа и Чонгара, прорыв укрепления и, наконец, освобождение Крыма от белогвардейцев. К середине ноября героические войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе при активном содействии крымских партизан окончательно ликвидировали врангелевскую армию.

Врангель был ликвидирован, но борьба еще не кончилась. В последних числах ноября в ответ на предложение командования фронта реорганизовать армию Махно ответил отказом и приступил к мобилизации населения и захвату оружия, открыв военные действия против Красной Армии в Гуляй-Польском районе.

16 декабря Эйдеман, теперь уже командующий войсками внутренней службы Юго-Западного, а затем и Южного фронтов и подчиненный непосредственно М. В. Фрунзе, руководил операцией по разгрому банд Махно в Гуляй-Поле. Махно пытался уклониться от боя, но вынужден был принять его, причем в самых невыгодных условиях, и потерпел поражение, потеряв «почти все материальные средства и большую часть живой силы»¹.

Советское правительство высоко оценило боевую деятельность Р. П. Эйдемана на Южном фронте. 18 января 1921 года ему вручили ценный подарок — золотой портсигар с надписью: «За особо полезные труды по ликвидации врангелевского фронта»², а 15 ноября 1922 года постановлением ВУЦИК (протокол № 6/55) он был награжден орденом Красного Знамени, как сказано в приказе Реввоенсовета СССР № 113 от 6 мая 1924 года, «за руководство победоносной борьбой против Деникина, Врангеля и Петлюры и за искусную подготовку ликвидации бандитизма на территории Украины»³.

---

¹ ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 83, л. 19.

² ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 12, л. 111.

³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 2180, л. 114 об.

РОЖДЕННАЯ В БОЯХ (Кузница военных кадров)

С фронтов войны рабочие идут
К станкам. Гудки их громкие зовут,
На труд благословляет их страна ¹.

Наступил 1921 год. Это был еще не совсем мирный год, так как на Украине свирепствовали кулацко-националистические банды. Хозяйство и транспорт находились в тяжелом состоянии и нуждались в восстановлении. Но огромная созидательная работа уже началась. Страна и армия постепенно переходили на мирные рельсы. Налаживалась нормальная жизнь. Командующий всеми вооруженными силами на Украине и в Крыму М. В. Фрунзе и его штаб работали напряженно, как на фронте.

Роберт Петрович являлся ближайшим помощником М. В. Фрунзе. Он был незаменим, когда решался вопрос о мерах по борьбе с бандитизмом, активно участвовал в организационной и военно-оперативной работе, в работе штаба, руководил редакционно-издательской деятельностью. В общей сложности он более года замещал М. В. Фрунзе на должности командующего.

18 января 1921 года М. В. Фрунзе отдал приказ (№ 75) о назначении Роберта Петровича начальником войск внутренней службы на Украине. В том же месяце был отдан новый приказ, согласно которому Эйдеман был назначен командующим войсками Харьковского военного округа.

---

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 82.

Несколько позднее, 14 мая 1921 года, Эйдеман сдал должность командующего войсками Харьковского военного округа А. И. Корку¹ и целиком отдался работе в штабе всех вооруженных сил на Украине и в Крыму, будучи назначен приказом Реввоенсовета Республики на должность помощника командующего войсками Украины и Крыма по военной части².

М. В. Фрунзе, Р. П. Эйдеман и другие военные и политические деятели — К. А. Авксентьевский, И. Н. Дубовой, И. К. Грязнов, С. И. Гусев, Д. М. Карбышев, А. И. Корк, И. Х. Паука, Н. М. Синявский, Н. В. Соллогуб, И. П. Уборевич, И. Ф. Федько, работавшие на Украине непосредственно по окончании гражданской войны, много труда и энергии вложили в дело упрочения Украинской Советской Социалистической Республики.

Роберт Петрович лично руководил операциями по ликвидации кулацко-националистического бандитизма. Он учил войска вести борьбу против бандитских атаманов и их шаек по всем правилам военного искусства, а командиров и политработников — умело подходить к трудящемуся населению, вовлекать его в борьбу с бандами. В своих работах, посвященных этой проблеме, Эйдеман не только вскрыл классовые корни бандитизма, но и определил методы и формы борьбы бандитских атаманов.

Бандитизм, по его глубокому убеждению, был уничтожен не только в результате хорошо разработанных и проведенных военных операций, но прежде всего благодаря правильной политике Советской власти на селе.

Роберт Петрович разработал правила для командного и политического состава частей, участвовавших в борьбе против бандитизма. В этих «уставных правилах боевой жизни» изложены основы военного искусства применительно к конкретным условиям борьбы.

Операции, проведенные Эйдеманом в Харьковском военном округе в июле 1921 года, заслужили высокую оценку М. В. Фрунзе. Роберт Петрович не только объ-

---

¹ ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 78, л. 81 об.

² Приказ Реввоенсовета Республики № 176 по личному составу от 24 мая 1921 года. (ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 77, л. 83 об.). Штаб командующего войсками внутренней службы на Украине был сформирован 12 января 1921 года. (ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 12, л. 39.)

единил действия войск, преследовавших противника, но и «не раз лично сам руководил боем, присутствуя на полях сражений, не раз подвергаясь большой опасности. Работа была чрезвычайно трудная...», писал в приказе от 30 июля М. В. Фрунзе. В этом же приказе командующий от лица республики благодарил Эйдемана «за энергичное, умелое и самоотверженное руководство войсками в деле борьбы с бандитизмом»¹.

Ликвидацией кулацких банд, как говорил Эйдеман, завершилась «малая война» на Украине.

Роберт Петрович был достойным соратником М. В. Фрунзе и в решении насущных вопросов строительства Красной Армии, вставших на повестку дня, после того как отзвучали последние выстрелы на полях гражданской войны. Он принимал самое активное участие в популяризации и претворении в жизнь новой системы, заключавшейся в частичном переводе армии на территориально-милиционные формирования. В брошюре «Милиционные начала в Красной Армии», изданной им в Харькове в 1924 году, разъясняются принципы этой системы и ее значение для страны, конкретно говорится о подготовке кадров военнообязанных в новых условиях военного строительства.

Эйдеман часто выступал в Харькове на общегородских партийных собраниях, печатал свои статьи в газете «Коммунист».

Здесь же он развернул военно-научную работу, в которую старался вовлечь крупных военных деятелей Украины и Крыма, имевших опыт первой мировой и гражданской войн.

В Харькове Роберт Петрович написал ряд произведений в стихах и прозе, которые посвящены периоду перехода страны на мирное строительство. Писал он обычно ночью, так как день был занят военной работой. Часто можно было видеть, как в одном из домов по Пушкинской улице далеко за полночь в окне светится огонек — это Роберт Петрович, склонившись над письменным столом, создавал произведения прозы и поэзии, отражавшие новый, мирный период жизни страны.

11 марта 1924 года постановлением СНК СССР М. В. Фрунзе был назначен заместителем Председателя

---

¹ ЦГАСА, ф. 15, оп. 1, д. 77, лл. 229—229 об.

Реввоенсовета СССР. 20 марта Фрунзе отдал приказ, в котором объявил о назначении Эйдемана временно исполняющим обязанности командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма¹.

Вскоре после отъезда М. В. Фрунзе из Харькова Роберт Петрович также покинул Украину. 20 августа 1924 года он вступил в командование войсками Сибирского военного округа², самого большого военного округа в стране, включавшего не только Сибирь, но и Дальний Восток. Штаб округа находился в Новониколаевске (ныне Новосибирск).

Командующему таким округом предстояла большая работа, связанная с укреплением боеспособности частей в мирное время.

Эйдеман прибыл в округ в период реорганизации после переименования его из Западно-Сибирского в Сибирский. Большую часть времени, как и прежде, Роберт Петрович проводил в войсках, где под его непосредственным руководством шла серьезнейшая организационная перестройка, проводившаяся в соответствии с решением партии и правительства о частичном переводе армии на территориально-милиционную систему. Как видно из документов, Эйдеман много внимания уделял стабилизации командного состава, развитию военно-научной работы, перестройке и приспособлению военкоматов к новым условиям, развитию системы лагерной учебы войск, укреплению дисциплины и организованности в войсках.

Перестройку частей округа Р. П. Эйдеман проводил в тесном контакте с Реввоенсоветом округа, политуправлением и партийной организацией. Много помогли ему начальник штаба округа М. В. Молкочанов и заместитель командующего Я. П. Гайлит.

26 января 1925 года М. В. Фрунзе был назначен Народным комиссаром по военным и морским делам и Председателем Реввоенсовета СССР. Так как Фрунзе, будучи заместителем предреввоенсовета, по совместительству был также начальником штаба РККА и начальником и комиссаром Военной академии, встал вопрос о назначении на должность начальника и комиссара академии другого товарища. Выбор М. В. Фрунзе,

---

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, л. 2177, л. 50.

² ЦГАСА, ф. 25875, оп. 3, д. 318, л. 11.

одобренный ЦК партии, пал на Роберта Петровича. Рекомендуя Эйдемана на должность начальника академии, Фрунзе учитывал его большой боевой опыт, военные знания, организаторские способности, энергию, умение работать с людьми, вдохновлять их на решение задач, выдвинутых партией.

7 февраля 1925 года приказом Реввоенсовета СССР Р. П. Эйдеман был назначен на должность начальника и комиссара Военной академии РККА¹, а 10 марта 1925 года он вступил в командование академией² и сразу же с энтузиазмом взялся за работу.

В жизни Роберта Петровича произошла большая перемена. Он принял академию от прославленного полководца и крупнейшего советского военного деятеля, и это налагало особую ответственность.

Знакомясь с академией, с ее слушателями, Эйдеман узнавал многих ветеранов гражданской войны, вместе с которыми прошел героический путь. Позднее, 6 августа 1925 года, на одном из собраний, посвященном пятому выпуску слушателей академии, указывая на ордена слушателей, обрамленные ярко-красными бантами, он сказал, что наша академия по праву называется Краснознаменной. Среди выпускников пятого выпуска, состоявшегося в том же году, было свыше 93 процентов участников гражданской войны, из них 27 процентов награжденных орденом Красного Знамени³.

Под руководством Фрунзе в академии уже были проведены важные реформы, касавшиеся ее организации, а также учебной программы и методики обучения слушателей. При подготовке командиров учитывались опыт первой мировой и гражданской войн и те изменения, которые уже произошли и происходили в области вооружения и организации войск.

М. В. Фрунзе придавал большое значение не только военным и военно-техническим дисциплинам, но и марксистско-ленинскому воспитанию командиров. Он требовал, чтобы преподавание всех дисциплин было основано на марксистско-диалектическом методе. Огромное вни-

---

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 2591, л. 94.

² ЦГАСА, ф. 24696, оп. 10, д. 23, л. 267.

³ См. «Под знаменем Ильича» (журнал партбюро Военной академии РККА). 1925, № 7, стр. 21.

мание Фрунзе уделял оперативно-тактической подготовке, военно-научной работе. Он активно поддерживал созданное при академии еще в 1920 году Военно-научное общество (ВНО), которое послужило своего рода опорной базой для развития военной мысли во всей армии.

Роберт Петрович оказался достойным преемником Фрунзе на посту начальника Военной академии РККА, значительно приумножившим славу первого в стране высшего военно-учебного заведения.

Сам Эйдеман считал себя продолжателем дела, начатого Фрунзе, и не раз говорил на Совете академии, а также выступая в печати, что главная его задача как можно лучше провести в жизнь намеченные Фрунзе реформы. По предложению Эйдемана 5 ноября 1925 года, через несколько дней после смерти выдающегося полководца¹, приказом Реввоенсовета СССР Военной академии РККА было присвоено имя Фрунзе. Роберт Петрович много сделал, чтобы наилучшим образом сохранить память искренне любимого им полководца. Существующий уже много лет при академии кабинет М. В. Фрунзе, сейчас значительно расширенный и пополненный многочисленными документами и материалами о его деятельности, был задуман и открыт также по инициативе Эйдемана². Роберт Петрович сам составил план работы кабинета и лично руководил ею.

Группой работников Военной академии под руководством Эйдемана к 31 октября 1929 года было подготовлено и издано первое трехтомное научное собрание сочинений М. В. Фрунзе. Вся работа была выполнена на общественных началах, участвовали в ней Н. В. Соллогуб³, Н. Е. Какурин, С. М. Белицкий, А. Н. Де-Лазари, Ф. К. Панарин и другие⁴.

Роберт Петрович пробыл на посту начальника и комиссара академии семь лет. За время его руководства было проведено много реформ, значительно повысивших

---

¹ М. В. Фрунзе скончался 31 октября 1925 года.

² Кабинет открыт 15 февраля 1926 года. Реввоенсовет СССР утвердил намеченную программу деятельности кабинета и одобрилготавливаемую выставку о жизни и деятельности М. В. Фрунзе. (ЦГАСА, ф. 24696, оп. 10, д. 26, л. 63.)

³ Заместитель начальника академии.

⁴ ЦГАСА, ф. 24696, оп. 10, д. 36, л. 382.

общий уровень подготовки кадров командного состава Красной Армии.

Эйдеман резко изменил деятельность Совета академии, положив в ее основу творческую инициативу¹.

В работе Совета, ставшего теперь подлинно научным руководящим органом по подготовке слушателей, принимали участие крупные военные деятели, такие, как М. Н. Тухачевский, С. С. Каменев, В. Ф. Новицкий, П. П. Лебедев, Г. Д. Гай, Д. М. Карбышев, А. А. Свечин, С. М. Белицкий, А. И. Верховский, И. И. Вацетис, Б. И. Горев, Н. Е. Варфоломеев, М. М. Загю, А. А. Балтийский, А. К. Коленковский, Н. Г. Корсун, А. Г. Лигнау, И. П. Уборевич, И. И. Шолоков, И. Х. Паука, С. Н. Красильников, Р. С. Циффер, А. М. Зайончковский, Н. Е. Какурин, и многие другие.

Как свидетельствуют многочисленные документы, Эйдеман неустанно обращал внимание Совета академии на необходимость идти в ногу со временем, учитывать развитие техники, достижения военно-научной мысли, потребности армии. С тех пор как на вооружении Красной Армии появилась новая техника, потребовались организационные изменения в войсках, требовалось по-новому решать вопросы оперативного искусства и тактики. Роберт Петрович обратил особое внимание работников академии на то, что перед ними стоит ответственная задача готовить общевойсковых командиров, хорошо знающих боевые свойства новой военной техники, способных успешно использовать современные рода войск и их боевые средства.

Еще при Фрунзе Военная академия стала кузницей кадров РККА. С тех пор работа ее непрерывно совершенствовалась. С 1926 года были установлены контроль, оценки, введены систематические и внезапные контрольные зачеты, итоговые и проверочные военные игры и выходы в поле. Свою учебу в академии слушатели стали чередовать с практической работой в войсках, где они осваивали новую военную технику, проверяли и закрепляли свою академическую подготовку, изучали жизнь, быт и боевую работу различных родов войск. В программах академии много внимания стало уделяться от-

---

¹ ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 30, л. 70.

работке практических и инструкторских навыков слушателей.

Эйдеман считал, что при подготовке слушателей необходимо учитывать тенденцию развития вооруженных сил.

«Каждый новый этап подготовки нашей армии подскажет нам, на чем на данном этапе надо делать вывод, иначе мы с вами действительно оторвались бы не только от войск, но и от жизни и той пятилетки, которая нашу армию преобразует еще больше, чем истекшее пятилетие 1923—1928 гг., которое мы считаем прошедшим под знаком большой военной реформы»¹.

Не раз он напоминал постоянному составу, что академия «обязана подготовить образцовых по исполнительности и дисциплинированности командиров, сочетающих в себе это качество с инициативностью, готовностью к самопожертвованию, выдержкой и волей, не сдающихся в трудных... условиях современного боя»².

Много внимания Эйдеман уделял тому, чтобы научить слушателей применять на практике приобретенные знания. Работники армии должны помочь окончившим академию поскорее включиться в практическую работу. Военная академия дает слушателям основы знаний для дальнейшей самостоятельной работы. Всякий, кто, окончив академию, забудет это, обречет себя на неизбежное отставание и не оправдает доверия страны, правительства и партии. Военная академия как бы подготовительный класс к той сложной и трудной «академии», в которую вступают выпускники, говорил он.

При Роберте Петровиче в академии были созданы новые кафедры, из них кафедры моторизации и механизации, авиации имели особо важное значение. В 1931 году был открыт оперативный факультет, в работе которого Эйдеман принимал самое непосредственное участие, особенно в подборе профессоров и преподавателей. По его инициативе был создан также факультет снабжения, который впоследствии превратился в самостоятельную академию. Роберт Петрович прекрасно понимал, что даже при наличии хорошо подготовленных бойцов армия неизбежно окажется бессильной в совре-

---

¹ ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 30, л. 100.

² ЦГАСА, ф. 24696, оп. 12, д. 1, л. 135 об.

менном бою, если не будет должным образом налажено ее снабжение. Подчеркивая важность создания факультета снабжения, он ссылаясь на опыт гражданской войны, и прежде всего на Варшавскую операцию 1920 года, «показавшую всю гибельность недостаточной подготовки аппарата боевого снабжения»¹.

Еще во время своего пребывания на Украине Эйдеман ставил вопрос о необходимости организации работы Военно-научного общества на общественных началах. Так, на заседании Совета академии 30 сентября 1929 года по поводу издания научных трудов ВНО он заявил:

«Нельзя воспитывать людей в таком направлении, чтобы им оплачивалось все, что бы они ни делали, и как плохо они бы ни сделали. При таких условиях активная работа общественной организации не сможет развиваться»². Эти слова послужили поводом для широкого внедрения общественных принципов в работу общества. Лично Роберт Петрович деньги, которые ему причитались за работу в Совете академии, перечислял в фонд государства³.

Через год после вступления в должность начальника академии Эйдеман выступил с докладом на I Всесоюзном съезде Военно-научного общества, в котором поставил ряд принципиальных вопросов, касающихся развития военно-научной работы в армии и вне ее (о создании актива вне армии, активизации комсостава запаса, проведении массовой оборонной работы среди населения).

Всемерно поощряя военно-теоретическую работу в академии, Эйдеман сам непрерывно учился. Так, в 1927—1928 годах он прослушал курс Высшей военной академии германского генерального штаба в Берлине без отрыва от своей непосредственной работы начальника Военной академии РККА.

Он сумел объединить вокруг себя талантливых военных теоретиков, профессоров, преподавателей, которые, пользуясь его поддержкой как начальника академии, опубликовали ряд крупных военно-теоретических трудов, сделавших честь советской военной науке. Из военно-

---

¹ «Красная звезда», 8 декабря 1926, № 289.

² «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, стр. 60.

³ Там же.

теоретических трудов, изданных академией при научном содействии Эйдемана, следует назвать работу крупного военного теоретика В. К. Триандафиллова — «Характер операций современных армий» (1929), Г. С. Иссерсона — «Эволюция оперативного искусства» (1932), Н. Е. Варфоломеева — «Ударная армия» (1933) и другие.

На указанный выше труд В. К. Триандафиллова Роберт Петрович написал большую рецензию, опубликованную в газете «Красная звезда». При общей высокой оценке труда ученого ряд вопросов получил серьезное возражение, так, например, утверждение В. К. Триандафиллова о явном отставании средств подавления от темпов развития средств обороны, по мнению Эйдемана, вряд ли могло быть безоговорочно принято. В этом утверждении автор как бы впадает в противоречие с теми перспективами развития таких средств подавления, как танки, артиллерия и авиация. Нельзя согласиться также со взглядом, что успехи противотанковой обороны делают ее непреодолимой для танков. Кроме того, вопрос о соотношении средств обороны и наступления часто в работе освещается упрощенно. Между тем, по мнению рецензента, «современная пехота при значительно большем, чем в мировую войну, проценте потерь способна сохранить свою боеспособность, особенно в обороне»¹.

Основную заслугу В. К. Триандафиллова Эйдеман видит в том, что военный теоретик «впервые пытается с такой отчетливостью поставить перед Красной Армией проблему о характере операций современных армий, исходя в основном из тех изменений, какие внесены во внутреннее содержание этих армий развивающейся военной техникой»².

Роберт Петрович выразил сожаление о том, что автор в своем ценном труде ничего не сказал об актуальном вопросе оперативной внезапности, но вполне согласился с его мнением о необходимости подтягивания отставших отраслей военной техники.

Касаюсь положения экономики в связи с обороной страны, Эйдеман выразил уверенность, что наше социа-

---

¹ «Красная звезда», 1 января 1930, № 1.

² Там же.

листическое хозяйство по силе, размаху и мощи своего развития безусловно перегонит капиталистическое хозяйство (конечно, если этому не помешают извне). Но даже если мы вступим в войну раньше, то не проиграем ее. Однако, подчеркивает он, мы должны видеть не только «новое оружие», но и особенно ценить «нового бойца». Мы должны ценить наши преимущества в будущей войне, вытекающие из самой революции.

В этой связи в рецензии был поставлен очень важный вопрос: в чем сейчас главная опасность? «В том ли, что наша военно-научная мысль и начальствующий состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии выявляют какие-либо заслуживающие внимания тенденции к недооценке тех наших преимуществ в будущей войне, которые вытекают из самого характера нашей революции, нашего государства и Красной Армии, или, наоборот, в том, что мы сейчас можем встретиться с консервативными «шапкозакладательными» настроениями, сводящимися к недооценке роли и значения военной техники и трудностей управления современной сложной операцией. Нам думается, что главная опасность лежит во втором направлении...»¹

Коммунистическая партия предупреждала об опасности военного нападения империалистов на СССР и нацеливала военных теоретиков на разработку вопроса о характере будущей войны. Эйдеман много внимания уделял этой актуальной проблеме. Прежде всего он считал, что было бы величайшим легкомыслием с нашей стороны рассматривать будущую войну, которую навязнут империалисты, как скоротечный процесс. Мы должны быть готовы к длительной серьезной борьбе, предупреждал он и выступал наряду с другими передовыми советскими военными мыслителями против укоренившегося взгляда на характер будущей войны, которая представлялась некоторым как легкая военная прогулка.

Особенно актуальным в то время был вопрос о характере начального периода войны. Эйдеман уже в 1934 году предвидел, что нападение империалистов на СССР будет внезапным: «Внезапность нападения — этот последний крик» военной «моды» нашей эпохи, — писал

¹ «Красная звезда», 1 января 1930, № 1.

он в статье «Оборона и задачи Осоавиахима», — возведен сейчас в ранг вполне равноправной теоретической школы именно потому, что сроки мобилизации армий значительно сократились»¹. Как известно, гитлеровская Германия начала войну против нашей страны в 1941 году именно путем внезапного, вероломного нападения. Эйдеман был прав, когда говорил, что с первых часов войны начнется «атака с воздуха жизненных пунктов неприятельской территории с целью полного расстрой-ства тыла и деморализации всего населения»². Как известно, гитлеровская Германия именно с этого и начала войну против СССР.

Несколько раньше, в 1931 году, Роберт Петрович опубликовал в журнале «Война и революция» обстоятельную статью «К вопросу о характере начального периода войны». В этой работе были отражены достижения передовой советской военно-теоретической мысли.

Статья Роберта Петровича не утратила интереса и в наши дни. Вот что в ней говорится:

«Прежние показатели, определявшие преимущество той или другой страны в отношении сроков развертывания, уже не исчерпываются одной лишь плотностью населения, состоянием железнодорожной сети и грунтовых путей и размерами страны; за сроки развертывания и право развернуться уже с первых часов войны завяжется ожесточенная борьба на земле и в воздухе...

...В первые же дни войны, дополняя действия авиации и взаимодействуя с нею, границу перейдут легкие, подвижные, но в огневом отношении сильные мотомехвойска, глубоко вторгаясь в страну противника»³.

Развивая эту мысль, Роберт Петрович указывает, что «в первый же день границу переходят... броневые отряды пехоты на грузовиках и моторизованная артиллерия. Взаимодействуя с авиацией, эти силы глубоко вторгаются в неприятельскую страну»⁴, и та сторона, которая раньше подготовится «к стратегическому ско-вы в а н и ю своего противника в начальный период войны, раньше и успешнее отмобилизует свой первый эшелон и введет его в дело при обстановке, в значительной

¹ «Большевик», 1934, № 15, стр. 35.

² Там же.

³ «Война и революция». Орган ЦС Осоавиахима. М., 1931, № 8, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 13.

Р. П. Эйдеман отдает рапорт М. И. Калинину на выпуске слушателей
Военной академии РККА в Кремле. 1928 год

мере созревшей для дальнейших решительных успехов»¹, окажется в более выгодном положении.

Преподавание общей тактики и оперативного искусства в академии значительно усовершенствовалось, оно шло в полном соответствии с развитием военной техники и потребностями войск. Различные учения, на которых Роберт Петрович постоянно бывал, стажировка преподавателей в войсках, полевые поездки и маневры значительно улучшили подготовку слушателей.

По указанию партии к концу 20-х годов на преподавательскую работу в академии были выдвинуты наиболее талантливые молодые кадры как из рядов самой ака-

¹ «Война и революция». Орган ЦС Осовнахима. М., 1931, № 8, стр. 13.

демии (адъюнктуры), так и непосредственно из войск. Роберт Петрович придавал большое значение выдвижению людей из среды рабочих и крестьян, участников гражданской войны, членов Коммунистической партии. Среди молодых преподавателей, отличившихся своими научными трудами, были К. А. Нейман, А. Г. Голиков, Б. В. Майстрах, Г. С. Иссерсон, А. В. Павлов, Е. Н. Сергеев, Н. И. Беляев, А. М. Вольпе, С. Н. Красильников, А. В. Кирпичников, П. А. Курочкин, М. П. Миловский и другие.

В период работы в академии Р. П. Эйдеман принял участие в издании первого большого коллективного труда по истории гражданской войны. Это был трехтомный труд «Гражданская война 1918—1921 гг.», увидевший свет в 1928—1930 годах, его авторами были крупнейшие военные и политические деятели СССР.

В этот период Роберт Петрович создавал военные и военно-исторические труды, а также художественные произведения, выполнял большую редакторскую работу, через его руки прошло немало рукописей военных авторов. Он вел обширную переписку с видными военными и политическими деятелями страны, писателями, журналистами, живо откликнулся на актуальные вопросы современности.

Роберт Петрович был поистине душой академии. Пользуясь всеобщей симпатией и уважением, он, как прежде в армии, целиком отдавался работе, его можно было видеть всюду: и в рабочем кабинете, склонившимся над книгой или рукописью, и в аудитории на лекции, и в президиуме ВНО, и в общезитии слушателей или на их партийных собраниях.

Эйдеман часто выступал с докладами на заводах, фабриках, на партийных пленумах и активах в районах Москвы.

Еще и сейчас многие бывшие слушатели академии, ставшие крупными военными работниками, тепло вспоминают Роберта Петровича на посту начальника и комиссара Военной академии. Так, генерал-майор М. В. Смирнов в своих воспоминаниях об академии, куда он пришел на учебу в 1928 году, пишет: «Вспоминая с теплым чувством об учебе в академии, мне хотелось бы отметить талантливых начальников, учителей и воспитателей, отдававших нам много сил и энергии».

В первую очередь мне хочется назвать имя начальника академии Роберта Петровича Эйдемана...»¹

Отличаясь огромной работоспособностью, неутомимой энергией, он всегда и во всем был примером для своих товарищей, заставляя их так же неутомимо работать.

Примерно за год до своего ухода в Осоавиахим Эйдеман писал: «Мы не сомневаемся в том, что выпускники в своем подавляющем большинстве окажутся на высоте требований, которые предъявляет им армия, и что свою работу они будут делать как настоящие командиры-большевики, вкладывающие в порученное им дело большевистскую настойчивость, упорство, неутомимость и неугасимый энтузиазм. Мы не сомневаемся также в том, что громадное большинство командиров, идущих в армию, окажется в своей практической работе на высоте задач реконструктивного периода Красной Армии и сумеет сочетать свою практическую работу с теоретическим осмысливанием того нового, что внесла и будет вносить в военное дело изменяющаяся техника»².

Плодотворная деятельность Роберта Петровича по подготовке командных кадров Красной Армии была высоко оценена Советским государством. В день 15-й годовщины Военной академии, 15 января 1934 года, постановлением Президиума ЦИК СССР он был награжден орденом Красной Звезды за то, что, возглавляя академию с 1925 по 1932 год, вложил «много труда и энергии в руководство академией и в развитие ее военно-научной работы»³.

Роберт Петрович пользовался большим авторитетом и как историк-марксист принимал активное участие в деятельности созданной в 1929 году при Коммунистической академии секции по изучению проблем войны, был членом президиума секции, в состав которого входили крупные советские государственные и политические деятели: А. С. Бубнов, ведущий историк страны М. Н. Покровский, Я. Б. Гамарник, И. П. Уборевич. Эйдеман возглавил историческую подсекцию. В состав бюро подсекции кроме председателя Эйдемана входили следующие

---

¹ 40 лет Военной академии имени М. В. Фрунзе. М., Воениздат, 1958, стр. 185.

² «Красная звезда», 4 мая 1931 года.

³ «Правда», 18 января 1934 года,

товарищи: В. Малаховский — заместитель председателя, А. Б. Кадишев — секретарь, А. С. Булин, В. А. Меликов, С. Р. Будкевич, Г. Д. Гай — члены бюро¹.

Секция объединила гражданских и военных историков, работавших в области проблем войны. Она издавала свои записки, которые и сейчас читаются с большим интересом.

Роберт Петрович был неизменным председателем на заседаниях исторической подсекции, подводил итоги дискуссий, направляя их в духе партийности, критиковал тех старых военных специалистов и военных историков, которые еще не совсем освободились от принципов буржуазной военной истории и идеалистических взглядов на войну. Он выдвигал актуальные проблемы, связывая их с непосредственными задачами строительства Красной Армии, с творческим осмысливанием опыта прошлого.

В то время, когда еще кадры марксистских историков были невелики, требовалось использовать наиболее ценные военно-исторические труды старых военных специалистов. Эйдеман не раз выступал за использование военного опыта прошлого. Он говорил, что наши молодые кадры историков растут, хотя временами делают ошибки, в качественном отношении их труды оставляют желать лучшего. Труды известных военных писателей старой школы содержали богатый фактический материал, в них был обобщен опыт первой мировой войны и других войн, но они были созданы немарксистами, игнорировавшими диалектический метод.

На одном из заседаний исторической подсекции Эйдеман резко выступал против профессора Военной академии РККА А. И. Верховского (в 1917 году он был военным министром Временного правительства), который пренебрежительно высказывался о военных трудах Энгельса. Роберт Петрович обратил внимание, что Верховский выступил легкомысленно, неглубоко и ненаучно, ничего не поняв в марксизме. После серьезной критики в его адрес Верховский вынужден был заявить, что свое выступление, в котором он безосновательно очернил Ф. Энгельса, считает ошибочным.

---

¹ См. Записки. Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. Т. I. М., Издание Коммунистической академии, 1929, стр. 211, 214.

На этом же заседании, критикуя Верховского, Эйдеман подчеркивал, что нам нельзя совершенно отбросить немарксистские труды. Мы, например, не можем отрицать значения для Красной Армии такого труда, «как совершенно немарксистский труд В. Ф. Новицкого»¹.

В связи с этим Роберт Петрович выдвинул задачу создания подлинно марксистской критики, которая бы помогала нашим кадрам правильно понять сущность военных и военно-исторических трудов, написанных старыми военными специалистами. Это, писал он, дало бы хорошую возможность роста «новой научной смены» и способствовало бы «укреплению наших идеологических позиций в военной науке»².

Выступая на совете Военной академии, Эйдеман подчеркивал необходимость создания подлинно марксистских трудов. Всякий труд, выпускаемый под маркой академии, говорил он, должен быть марксистским трудом или, во всяком случае, должен быть снабжен соответствующим марксистским предисловием, «своего рода очками для читателя»³.

Роберт Петрович выступал против двух крайностей в оценке опыта гражданской войны: как против тех, кто, игнорируя классовую природу гражданской войны, считал, что ее опыт в военном отношении ничего существенного не дал, а поэтому следует ориентироваться лишь на опыт первой мировой войны, так и против тех, кто считал, что в будущем может пригодиться лишь опыт гражданской войны.

В представлении некоторых гражданская война, говорил Эйдеман, являлась лишь синонимом кустарничества, синонимом технической отсталости, какая уже не повторится и не может повториться в будущей борьбе. Действительно, с точки зрения классического военного искусства мы много кустарничали и за это нередко дорого платили. И в отношении военной техники также стояли на низком уровне. «Но отрицающие значение опыта гражданской войны забывают, что эта война от-

---

¹ Записки, т. I, стр. 61. Речь идет о труде Новицкого под названием «Мировая война 1914—1918 гг.», удостоенном премии М. В. Фрунзе согласно постановлению президиума ЦС Осоавиахима от 25.10 1926 г.

² Записки, т. I, стр. 61.

³ ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 30, л. 74.

крыла собой новую полосу войн — гражданских войн между пролетариатом и буржуазией... Она знаменует собою активное участие в борьбе заинтересованных классов, широкое творчество и самодеятельность масс в питании и поддержании армии Советского государства; неслыханную ожесточенность самой борьбы, ее решительный характер, причем большая война непрерывно сопровождается «малой войной»¹. И в области военного искусства она также не была бесплодной.

Вместе с тем, по мнению Эйдемана, нельзя игнорировать и опыт первой мировой войны, которая с точки зрения военного искусства внесла много нового, что использовалось и в гражданскую войну. Однако необходимо все время следить за развитием военной мысли, которая не стоит на месте, особенно в связи с появлением новых технических средств борьбы (танков, авиации и других).

Касаясь истории гражданской войны, Эйдеман обратил внимание на изучение истории боевых частей — изучение, как он считал, «самой души гражданской войны, истории, которая бы давала нам подлинную точную картину всей героической борьбы — картину зарождения частей, отдельные тактические моменты...»². Следует изучать опыт, собирать «все то, что еще сохранилось у участников гражданской войны, все те воспоминания, весь тот материал, который остался от этой войны, от боевого прошлого каждой части, ибо с каждым годом эти возможности будут исчезать»³, писал он.

Интересными и содержательными были выступления Эйдемана в секции проблем войны по многим военно-историческим проблемам. 28 апреля 1930 года он участвовал, например, в дискуссии по докладу С. Р. Будкевича «Операция польских армий на Висле в 1920 году».

Роберт Петрович активно сотрудничал в издававшихся в то время печатных органах, таких, как «Война и революция» (орган ЦК Осоавиахима), «Историк-марксист» (орган Коммунистической академии). В этих журналах Эйдеман опубликовал много статей, в которых он

---

¹ «Военный вестник», 1927, № 7, стр. 7.

² Р. Эйдеман. Итоги и перспективы работы ВНО, М., Изд-во «Военный вестник», 1926, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

разрабатывал актуальные проблемы истории гражданской войны.

Помимо основной деятельности Эйдеман принимал активное участие в работе Реввоенсовета СССР. Так, на одном из его заседаний в 1928 году он говорил о необходимости организации производства противотанковых мин и пушек, об улучшении связи, на что обратил особое внимание бывшего в то время начальником связи РККА Н. М. Синявского. Часто по заданиям Реввоенсовета Роберт Петрович выезжал и в военные округа.

РЕЗЕРВ КРАСНОЙ АРМИИ (Осоавиахим)

В последних рядах не хочу оставаться
Ни нынче, когда созидает страна,
Ни завтра, когда будет залпами рваться
И тонны металла швырять в нас война ¹.

В апреле 1932 года ЦК Коммунистической партии на-
правил Роберта Петровича на работу в Осоавиахим,
который к этому времени стал уже мощным оборонным
обществом и требовал квалифицированного руководства.
Вместе с ним туда были посланы лучшие кадры воен-
ных и партийно-политических работников. Эйдеман по-
прежнему оставался членом Реввоенсовета СССР, а с
ноября 1934 года стал членом Военного совета НКО
СССР. Ветеран Осоавиахима Б. Ф. Трамм ² рассказы-
вает, что в 1932 году состоялся очередной пленум Цент-
рального Совета Осоавиахима СССР и, в частности, на
нем стоял вопрос об укреплении руководства ЦК Осо-
авиахима. По вопросу о председателе ЦС Осоавиахима
СССР и РСФСР выступила по поручению ЦК ВКП(б)
член ЦК К. И. Николаева ³. Она рекомендовала избрать
председателем Центрального Совета Р. П. Эйдемана
при этом она характеризовала его как верного ленинца,
пламенного советского патриота, боевого командира,
талантливого военного организатора, замечательного

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 157.

² Ныне генерал-майор член президиума ЦК ДОСААФ.

³ Николаева Клавдия Ивановна (1893—1944) — старейший уча-
стник революционного движения в России, член Коммунистической
партии с 1909 года, видный партийный и общественный работник,

общественника, соратника М. В. Фрунзе, вместе с которым он много работал по строительству Красной Армии.

Роберт Петрович единодушно был избран председателем Центрального Совета Осоавиахима.

Выступая за создание мощной добровольной оборонной организации в стране, Эйдеман прежде всего учитывал массовый характер будущей войны, «который ставит перед рабоче-крестьянской общественностью во весь рост сложнейшую задачу по подготовке в военном отношении населения. С этой задачей одна лишь армия справиться не может»¹.

Воспользовавшись афоризмом одного из буржуазных военных деятелей «в войне побеждает тот, у кого нервы крепче», Эйдеман пишет: «Эти нервы окажутся наиболее крепкими у того, кто сумеет подготовить население в политическом и военном отношении к восприятию войны, которая может быть нам навязана, подготовить ко всем ее лишениям и тяготам»².

Впоследствии, выступив с трибуны X съезда ВЛКСМ (за год до своей трагической гибели), Роберт Петрович развил эту мысль: уже доказано, сказал он, что «оборона страны в современном понимании этого слова обеспечивается не только состоянием вооруженных сил, их боевой выучкой, состоянием их вооружения, но и способностью широких масс населения во всеоружии встретить врага»³. Его слова встретили горячую поддержку всех участников съезда.

Осоавиахим был именно той замечательной массовой организацией трудящихся, которая помогла им успешно овладеть военными знаниями. Центральный Комитет партии, придавая большое значение военному обучению граждан и воспитанию их в духе советского патриотизма, уделял большое внимание работе Осоавиахима.

Необходимо было подготовить к обороне все наше хозяйство. Об этом не раз говорил Эйдеман, призывая к тесному сотрудничеству военных и гражданских ученых.

Выполняя указания партии, Эйдеман боролся за демократизацию общества, за то, чтобы работа в нем проводилась в основном на добровольных общественных на-

---

¹ «Военный вестник», 1926, № 6, стр. 3.

² Там же, стр. 3.

³ «Красная звезда», 17 апреля 1936, № 89.

чалах, бесплатно, при сохранении лишь относительно небольшого платного аппарата. «Пусть уходят люди, — говорил он, — стыдливо прячущие свое осоавиахимовское звание. Пусть уходят эти стыдливые чиновники. А каждый большевик, каждый комсомолец, каждый честный беспартийный рабочий всегда и везде скажет про Осоавиахим: «Это мой Осоавиахим, моя организация»¹. При содействии Красной Армии Осоавиахим был оснащен военной техникой. Возросла роль его первичной организации — ячейки, стал работать постоянный актив. Большое внимание было уделено подготовке общественных инструкторов, способных нести широкие военные знания в массы.

Таким образом, в общей системе обороны страны Осоавиахим приобретал все большее значение, его по праву стали называть резервом Красной Армии. Общество не только проводило огромную пропагандистскую работу, но и занималось практической подготовкой летчиков, планеристов, парашютистов, стрелков, работников противовоздушной обороны, химиков. Члены общества овладевали различными видами спорта: конным, авто- и мотоспортом, авиамodelным, морским и др.

Осоавиахиму в то время были вверены допризывная подготовка и другие виды работы.

В период Великой Отечественной войны в рядах армии находилось немало бывших осоавиахимовцев (летчиков, танкистов, парашютистов, снайперов), которые героически сражались с гитлеровскими захватчиками.

8 августа 1935 года ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР приняли решение о дальнейшем улучшении работы Осоавиахима. Была намечена коренная перестройка общества, в результате которой оно должно было стать подлинно боевой, массовой организацией. В декабре этого же года на собрании партийного актива Ленинского района Москвы Эйдеман выступил со специальным докладом, в котором на основе решений VI пленума ЦС Осоавиахима, состоявшегося в конце августа 1935 года, подвел итоги работы Осоавиахима почти за три года. Докладчик обратил внимание присутствовавших на то, что оборона страны зависит не только от боевой подготовки, высокой техники и общего

---

¹ «На страже», 28 апреля 1934 года,

состояния вооруженных сил страны, но и от того, в какой мере само население участвует в укреплении обороны. Он призывал партактив быстрее и решительнее идти по пути развития в Осоавиахиме конкретных видов военной работы.

Подход к Осоавиахиму как к организации, ведущей только пропаганду и агитацию в области защиты Родины, надо считать устаревшим, сказал Эйдеман. За годы своей деятельности Осоавиахим, по словам Роберта Петровича, превратился в мощную, разветвленную по всей стране организацию, успешно решающую практические задачи обороны. Организация насчитывает свыше 13 млн. членов¹.

В 1935 году через учебные пункты и осоавиахимовские лагеря прошло допризывную и вневоинскую подготовку около 1 млн. человек², что в немалой степени помогло Красной Армии справиться с задачей создания военно обученных резервов.

Осоавиахим готовил кадры и для военно-воздушных сил. Так, используя сеть аэроклубов, он подготовил без отрыва от производства летный состав. Работа проводилась в тесном содружестве с комсомолом. «У нас общая задача — единая цель», — говорил по этому поводу секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев³. Эйдеман и Косарев работали дружно и согласованно. Они подчеркивали, что за состояние военно-массовой работы комсомол и Осоавиахим несут взаимную ответственность.

В 1935 году Осоавиахим располагал уже 140 аэроклубами, насчитывавшими 1 тыс. самолетов⁴. Большое развитие получил парашютный спорт. В этом же году совершили прыжки с парашютом 20 тыс. человек, причем 3 тыс. из них прыгали пять и более раз⁵. Осенью 1935 года на киевских маневрах совершили прыжки с самолетов 1200 красноармейцев — целый авиадесант, удивив весь мир отвагой и смелостью, а в сентябре 1936 года, во время осенних учений войск Московского военного округа под Муромом, был выброшен самый крупный авиадесант в составе более 2200 парашютистов, в нем

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, стр. 60.

² См. там же.

³ «На страже». 28 марта 1934 года.

⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, стр. 60.

⁵ Архив МК КПСС, ф. 75, оп. 1, д. 138, л. 12.

Р. П. Эйдеман беседует с Я. Д. Мошковским после показательного затыжного прыжка на первой парашютной массовке в Тушино. 1933 год

участвовали 150 курсантов Всесоюзного парашютного центра Осоавиахима»¹.

Эйдеман придавал огромное значение развитию общественной авиации, планерного и парашютного спорта. Более того, он был душой этого дела. По его инициативе к организации и руководству этими видами спорта были привлечены талантливые работники из армии и гражданских организаций. Среди них Л. Г. Минов и Я. Д. Мошковский. Л. Г. Минов рассказывал, что, предложив ему перейти на работу в Осоавиахим, Роберт Петрович обещал создать все условия для работы, но самое главное — обещал подобрать энтузиастов из среды молодежи, которые хотят изучать летно-планерное и парашютное дело.

В 1935 году исполнилось пять лет существования советского парашютизма. В связи с этой датой Роберт Петрович принял участие в организации и проведении I Всесоюзного слета парашютистов в Москве. Большая

---

¹ См. И. И. Лисов. С воздуха в бой. М., Воениздат, 1961, стр. 23.

группа мастеров парашютного спорта Осоавиахима, установивших мировые рекорды, была награждена орденами. В числе награжденных имена женщин — Нины Каменевой и Галины Пясецкой. Эйдеман гордился тем, что Осоавиахим сумел подготовить кадры мастеров парашютного спорта.

Большое общественное значение в 30-е годы приобрели слеты планеристов в Коктебеле. На двух из них — X (1934) и XI (1935) — присутствовал Эйдеман. Его приезды в Коктебель, где в то время находилась Высшая летно-планерная школа Осоавиахима, до сих пор остались в памяти бывших участников слета¹.

Роберт Петрович любил беседовать с молодежью. Встречи часто происходили в концертном зале дачи «Адриана» на берегу Черного моря.

В один из коктебельских вечеров Эйдеман беседовал с участниками слета планеристов. Он рассказывал им о своем детстве, о гражданской войне, которая оставила неизгладимый след в его памяти. Присутствовавшие задавали вопросы. Николай Макаров² спросил Эйдемана, почему он не пишет стихов. Тот ответил, что занят, кроме того, необходимы хорошие темы. Присутствующие взяли чистые листки бумаги и стали придумывать темы. Написав, передавали записки Роберту Петровичу. Он читал их и улыбался. Встречались, например, такие темы: «О радости жизни и труда» (автор записки просил ответить, что такое счастье), «Обо всем, чего может достичь советская молодежь», «О юных латышских стрелках, отдавших жизнь за нашу советскую землю». Георгий Лисецкий просил написать стихи с обращением к молодым ударникам заводов и учреждений.

Роберт Петрович внимательно ознакомился с предложенными ему темами и немного спустя написал стихи на заданные темы. Они были напечатаны в 1934 году и озаглавлены «Беседа с юными»³.

Р. П. Эйдеман внимательно следил за деятельностью великого русского ученого К. Э. Циолковского, которого

---

¹ В то время в этой школе учились ставшие потом известными летчиками Никодим Симонов, Виктор Ильченко, Георгий Лисецкий, Николай Макаров, Игорь Анохин, Виталий Шелест и другие.

² Погиб во время Великой Отечественной войны.

³ Р. Эйдеман Слова и годы, стр. 146—149.

знал лично и делал все возможное, чтобы создать ему хорошие условия для работы. Роберт Петрович был одним из первых, кто поставил вопрос об издании произведений Циолковского и приступил к его осуществлению.

30 мая 1934 года К. Э. Циолковский заявил корреспонденту газеты «На страже» Г. Л. Урину: «Советское правительство помогло мне реализовать мою заветную мечту и создало отличные условия для моей работы»¹.

При Эйдемане Осоавиахим добился широкого привлечения трудящихся к делу противоздушной и противовоздушной обороны (ПВХО). Сотни тысяч людей сдавали нормы «Готов к ПВХО». Нет сомнения, что работа, проделанная Осоавиахимом и его председателем, дала свои результаты во время вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу страну. Десятки тысяч осоавиахимовцев — москвичей и жителей других городов — стойко и умело отражали налеты вражеской авиации.

Роберт Петрович гордился успехами нашей страны в области мирного строительства и достижениями в деле обороны. Он говорил:

«Я скажу только, что если бы я в гражданскую войну имел в своем распоряжении армию, которая была бы вооружена так, как сегодня вооружены наши осоавиахимовцы (а мы считаем, что дело у нас еще плохо), то я был бы счастливым человеком в гражданскую войну»².

Большое внимание уделял Осоавиахим стрелковому делу, особенно подготовке снайперов (Эйдеман по опыту гражданской войны знал, как они необходимы). На фронтах Великой Отечественной войны было немало метких стрелков, подготовленных Осоавиахимом, и в этом большая заслуга Роберта Петровича. Ведавший стрелковым спортом И. И. Гамазов искренне благодарил Эйдемана за его повседневную помощь.

В частях и подразделениях Осоавиахима, которые непосредственно готовили кадры для Красной Армии, проводилась большая партийно-политическая работа. Роберт Петрович принимал участие в разработке стройной системы политического аппарата в осоавиахимов-

---

¹ «На страже», 30 мая 1934 года.

² Архив МК КПСС, ф. 75, оп. 1, д. 138, л. 14.

ских частях и подразделениях (учебные пункты, лагеря, аэроклубы, школы и т. п.) применительно к Красной Армии.

Центральный аэроклуб и большой осоавиахимовский аэропорт построены по инициативе Эйдемана. По окончании строительства главного здания Тушинского авиационного центра и учебного корпуса (сейчас в нем размещен ЦК ДОСААФ) был разбит парк, в котором Роберт Петрович посадил несколько молодых лип, ставших теперь огромными.

По первоначальному проекту канал имени Москвы должен был пересечь Тушинский аэродром. Это взволновало Эйдемана. Он сумел убедить работников руководящих проектных органов изменить проект, и аэродром был сохранен. На нем и поныне народ празднует День авиации.

Работая в области обороны страны, Эйдеман в то же время не переставал заниматься литературным творчеством. В 1934 году им был подготовлен сборник поэтических произведений «Слова и годы», издание которого совпало с 25-летним юбилеем литературной деятельности автора.

«Литературная газета» поместила приветствие оргкомитета Союза советских писателей, в работе которого Роберт Петрович принимал большое участие. Оргкомитет характеризовал Эйдемана как «преданного борца за дело рабочего класса, верного члена героической партии большевиков». Отмечалось, что его рассказы и повести «Васкис», «Лесной ветер», «Во имя долга», «Восстание камней» и еще не законченный роман «Агония» проникнуты духом революционного героизма, классовой ненависти к врагам революции и огромной любовью к ее борцам — рядовым и командирам великой армии социализма.

Вспоминается, как в один из апрельских дней в Доме писателей собрались товарищи и друзья Роберта Петровича, чтобы отметить его юбилей. Среди писателей, окружавших юбиляра, были Демьян Бедный, Михаил Кольцов, Новиков-Прибой и многие другие. Все желали ему больших творческих успехов.

Роберт Петрович этой знаменательной дате в своей жизни посвятил стихотворение «1895—1908—1934», где есть такие строки:

Не верю я, друзья мои, не верю —
Неужто годы, юбилей, старость?
Здорово сердце, и глаза смеются
И мне неведома усталость.

А не ошибка ль — суматоха эта?
Смотрели вы в календаре другом.
Так мало еще сказано поэтом,
Гол и не убран творческий мой дом¹.

Поэт обещает в будущем создать новые, более совершенные произведения.

Высоко ценил писательский талант Эйдемана Алексей Максимович Горький. Они нередко встречались и, несмотря на большую занятость, подолгу беседовали.

В 1934—1936 годах Эйдеман бывал в поездках за границей. В октябре—ноябре 1936 года он, возглавив делегацию² Осоавиахима, посетил Турцию. 25 октября делегация присутствовала там на национальном празднике. Эйдеман, как вспоминает Л. Г. Минов, сидел в ложе президента Ататюрка Кемалю. Когда Баян Сабиха — первая в Турции женщина-пилот, освоившая в Советском Союзе высшие формы планерного искусства, — продемонстрировала в воздухе сложные фигуры, Ататюрк был в восторге от смелого и безукоризненного пилотажа Сабиха³.

Выполнив последнюю фигуру пилотажа, летчица посадила свой самолет в предместье Анкары и через 10—15 минут прибыла на место парада. Сабиха опустила на одно колено перед постаментом с турецким государственным гербом, установленным напротив ложи президента. Ататюрк пригласил ее в ложу. Летчица по-военному доложила о выполнении показательного полета, а затем ответила на вопросы президента и гостя. Президент, обращаясь к Эйдеману, выразил свою благодарность Советскому Союзу за то, что он учит искусству полета турецких юношей и девушек. В этом, по его словам, была также личная заслуга Эйдемана.

Кемаль Ататюрк в знак дружбы советского и турецкого народов и за помощь в обучении турецких юношей и девушек авиационному делу подарил Роберту Петро-

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 127.

² В нее кроме Эйдемана входили Л. Г. Минов, А. Н. Николаева (парашютистка) и Г. А. Шмидт (мастер парашютного спорта).

³ Баян Сабиха была приемной дочерью президента.

вичу золотой портсигар, на крышке которого изображен самолет, выложенный из изумрудов. На портсигаре латинским шрифтом были выгравированы слова: «ЭЙДЕМАНУ. АТАТЮРК. 25.X. 1936, АНКАРА». Президент авиационного общества «Турецкая птица» от имени общества преподнес Роберту Петровичу золотой авиационный знак.

За время своей деятельности в Осоавиахиме Эйдеман

Р. П. Эйдеман, В. М. Орлов, В. В. Куйбышев на перроне Белорусского вокзала в ожидании приезда О. Ю. Шмидта (после челюскинской эпопеи). Москва, 1936 год

стал одним из популярнейших работников нашей страны, ему были чужды колебания и сомнения.

Кто тащит груз сомнений
И ползает в бою,
Тот, временем осмеянный,
Клянет судьбу свою¹.

Так писал он за год до трагической гибели, в 1936 году.

Популярность Эйдемана, умение разбираться в людях помогли ему привлечь к работе в Осоавиахиме круп-

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 156.

Р. П. Эйдеман выступает на II сессии ВЦИК. Москва, 1936 год

ных политических и военных деятелей, а также ученых различных отраслей науки. В работе Центрального Совета неизменно принимали активное участие С. С. Каменев, В. В. Куйбышев, Н. В. Куйбышев, О. Ю. Шмидт, С. М. Буденный, Я. А. Алкснис, Л. И. Авиновицкий, И. С. Уншлихт, В. М. Орлов, А. А. Бутлер, А. Н. Бах, А. И. Егоров, Н. М. Синявский, Я. Б. Гамарник, М. И. Василенко и многие другие.

В свободные от работы часы Роберт Петрович любил заниматься спортом и физическим трудом: колол дрова, окапывал деревья в саду. В семье он был чутким, заботливым мужем и отцом, в обществе друзей — отзывчивым товарищем и интересным собеседником.

В январе 1937 года Роберт Петрович выступил в печати по случаю десятилетия Осоавиахима. Он охарактеризовал путь, пройденный обществом, внес ряд предложений по дальнейшему развитию массовой оборонной работы.

В этом же месяце, как делегат Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов, Эйдеман принимал участие в его работе.

Роберт Петрович зарекомендовал себя принципиальным и последовательным коммунистом, для которого решения партии были законом. В 1929 году в стихотворении «Большевики» он писал:

Ни отдыха, ни тишины не знаем...
От жарких дум, как факелы, пылаем.
Где сносим старь, там новое цветет.
Иной падет в пути, но мы идем вперед¹.

Эйдеман всегда стоял за единство партии, а когда партия боролась против троцкизма, проявил большую идейную устойчивость, твердую ленинскую выдержку и настойчивость в борьбе с этим уклоном. Он подтвердил это в своих многочисленных выступлениях, дал решительный отпор и так называемой «внутриармейской оппозиции», выступившей против курса партии на единоначалие в армии. «Внутриармейская оппозиция» не нашла поддержки в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Партийная организация академии занимала правильную партийную позицию и решительно боролась со всеми уклонами. А. И. Тодорский, бывший секретарь партбюро академии (1925—1927), дал высокую оценку партийно-политической деятельности Роберта Петровича, его идейности и неутомимой борьбе за единство и чистоту рядов ленинской партии.

---

¹ Р. Эйдеман. Слова и годы, стр. 123.

ОН ХОТЕЛ УМЕРЕТЬ В БОЮ

Пусть с палубы неба в кипящее море
Смыть солнце грозитя бушующий вал, —
Я буду с улыбкой и искрой во взоре
Стоять на посту и не брошу штурвал¹.

Роберт Петрович неутомимо трудился над укреплением оборонной мощи страны. Вся его деятельность была проникнута искренней любовью к Родине и высоким патриотизмом. Однако он не смог принять участия в непосредственной защите Родины: сердце его перестало биться за несколько лет до того, когда фашистские захватчики напали на Советский Союз.

Еще в бытность на Дону, в 16-й стрелковой дивизии, во время гражданской войны Эйдеман сдружился с комбригом Ф. И. Нырненко, с которым познакомился при необычных обстоятельствах. На собрании комсостава дивизии, созванном по случаю прибытия Роберта Петровича, Нырненко произнес против него речь, «вызвавшую, как писал позднее С. П. Медведовский, у многих из нас слезы на глазах»². Нырненко «не хотел» принимать нового начдива.

Эйдеман и через десять лет не забыл этого дерзкого, но душевного человека, чья короткая жизнь после революции прошла в непрерывных боях. В очерке, напечатанном в 1930 году под названием «О смерти», Роберт Петрович писал:

«Умереть в кровати я не хочу. Смерть в кровати слишком торжественна... Я не сомневаюсь, что меня, как старого партизана, проводят с музыкой. Об этом поза-

¹ Р. Эйдемана. Слова и годы, стр. 157.

² Наша дивизия, Петрозаводск, 1922, стр. 52.

ботятся мои друзья. Они торжественно будут стоять вокруг моего гроба, тихо перешептываясь, точно боясь меня разбудить.

Черт поberi эту торжественную церемонию!

Поэтому я говорю: я хочу умереть так, как умер мой друг, незабвенный донецкий шахтер Нырненко, который повел за собой в революцию родную деревню Титовку и сложил под Варшавой свою горячую светлую голову»¹.

Смерть в кровати минула Роберта Петровича, но она настигла его неожиданно-негаданно — так, как никто бы не желал.

22 мая 1937 года в Колонном зале Дома Союзов происходила Общесоветская партийная конференция. Эйдемана вызвали из президиума, и он больше не вернулся...

Имя Эйдемана оказалось под запретом.

Погиб Р. П. Эйдеман в расцвете творческих сил, когда ему было только 42 года. Но Родина не забывает своих сыновей. Решением XX съезда КПСС доброе имя Роберта Петровича было восстановлено. За последние годы были изданы избранные художественные произведения Роберта Петровича, опубликованы военно-исторические работы в газетах и журналах, напечатаны статьи и очерки о его жизни и деятельности. В городе Валк, где учился Р. П. Эйдеман, на здании бывшего реального училища установлена мемориальная доска, помещающаяся в нем средняя школа названа именем Роберта Эйдемана, и в ней открыт музей, одна из улиц города названа также его именем.

Имя Роберта Петровича Эйдемана, талантливого военачальника и преданного борца Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда останется в благодарной памяти советских людей.

---

¹ Р. Эйдеман Слова и годы стр. 652—653.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
От автора	3
От Петróграда до Иркутска	9
На главном фронте республики	21
На Дону	32
Орловское сражение	42
К морю	52
Каховка	62
Рожденная в боях (Кузница военных кадров)	71
Резерв Красной Армии (Осоавиахим)	90
Он хотел умереть в бою	102

Панков Дмитрий Васильевич

КОМКОР ЭЙДЕМАН

М., Воениздат, 1965 г. 104 с. + 1 вкл.

Редактор *В. Б. Кузнецов*

Технический редактор *Т. Ф. Мясникова*

Корректор *Т. П. Крошкина*

Сдано в набор 3 4.65.

Подписано к печати 28 5 65

Формат бумаги 84×108^{1/32} — 3^{1/4} печ. л. 5,33 усл. печ. л +1 вкл.—^{1/16} печ. л.—

—0,103 усл. печ. л. 5,357 уч.-изд. л.

Тираж 61 000 ТП 1965 № 75 Г-20275

Изд. № 2/4407

Цена 27 коп.

Зак 831

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

27 коп.